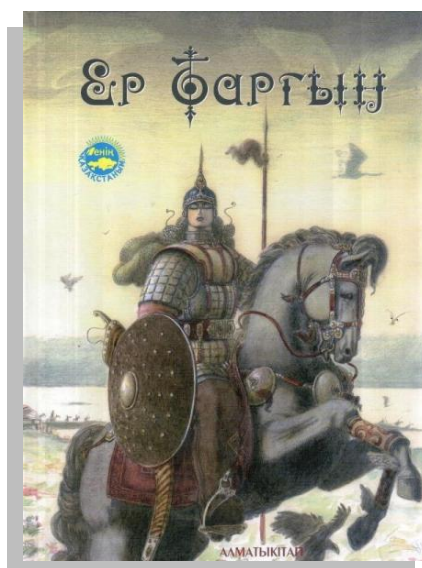

КАЗАХСКИЙ ЭПОС

ЕР-ТАРГЫН

Часть I

То, что я расскажу вам, не сказка, где волку доверено мясо, а лиса щеголяет в доспехах охраны султана. Но предание это о героях бессмертных, мечу и стреле недоступных, что в огне не горят и в воде не потонут. Мой рассказ о живом человеке из плоти. Был он мальчиком в детстве — таким же, как ты,— в те же игры играл и смеялся, и так же, как все мы, он ходил по земле нашей древней.

Было это давно, стерся в памяти облик героя, но его беспокойная тень все еще не угасла в душе у далеких потомков. Он огромное — с голову лошади — сердце имел, мог бы нар позавидовать мощи его. Был он львом среди людей, и родился на свет вместе с горькой тоскою о судьбах народных. Может, что-то в нем приукрасил в порыве душевном жырау может, брат его младший — жыршы— все не смог досказать. Правда только одна — все, что вам расскажу, было в жизни. Так слушайте, дети!

Пришло вдруг смутное, лихое время. В народе не стало единства, а мужчины забыли покой. Разбился на тридцать улусов многочисленный народ ногайлы, на земли которого раньше не ступала вражья нога. Человеку не хватило бы жизни, чтобы объехать ногайлинские степи. А теперь в каждом улусе стал править свой хан. И у каждого хана был свой бий. Ханы грабили подвластных людей, а бии ехали следом и добирали то, что осталось после ханов. В позоре и унижении влачил свои дни народ. И не слышно было среди этого буйства голоса справедливого, только печаль была всеобщим уделом. А ханам и биям казалось мало отобранного у своих, стали они грабить и притеснять сородичей, с которыми еще недавно жили в крепком союзе и вместе встречали врага. Если раньше беда приходила из-за дальних перевалов, то теперь она затаилась под боком. Тяжбы и драки, набеги и воровство царили среди ногайлинских аулов. И не было видно всему этому конца.

В это-то время и жил, ни к кому не питая вражды, мерген Естерек. Обитал он в богатой травами и водою долине Киян к северу от горной гряды Казылык. Естерек охотился на джейранов и куланов, тем и жил.

На склоне лет родился у мергена сын Таргын, который вскоре стал выделяться среди сверстников невиданной силой — мог скрутить как ягненка огромного вола, а спокойствием и рассудительностью усмирить и свирепого дракона. Очень рано понял Таргын, сколько бед и страданий несут народу своими бесчинствами и коварством ханы и бии. Чтобы защитить и без того терзаемый междоусобицей народ, Таргын откочевал к горам Казылык, к месту, называемому Темир Какпа — Железные Ворота, единственному пути, где могло перевалить через горы войско кызылбасов. Было у Таргына два коня — Азбан и Тарлан. В туманные дни садился он, чтобы ехать в дозор, на Азбана, а в ясный день седлал Тарлана.

И вот однажды, когда Таргын приехал в аул, чтобы поменять коня, навстречу ему с плачем вышел его старый отец. Все лицо у старика было разбито, и кровь стекала с бороды. Увидел это Таргын и понял, что в доме его побывал враг.

— О, отец! Кто изранил твое лицо? Кто бороду кровью окрасил твою?—обратился Таргын к отцу.— Разве я не стоял у Железных Ворот? Может, с неба спустился дракон, или из-под земли вышла ведьма-жалмауыз? Отвечает старик:

— Не с неба спустился враг, и не вышел он из-под земли. Здесь он бродит, меж наших аулов. Нет, не пришлый он — из своих!

— Кто же это? Может, старые счеты сводил, может, мстил за обиду недавнюю. Молод он, если ищет врага? Или старец, сошедший с ума?

— Не было у нас ни с кем вражды, не за что нам и мстить. Все, кто молод, в далеком набеге, а старцы, век свой отжив, по постелям лежат в ожидании смерти. Бий Шортан с сытой рожей бараньей и с черной козлиной бородкой был здесь. Ездит он по аулам, чтобы дань содрать с беззащитных, а строптивым воздать.

— Разве не были мы от налогов свободны, разве кто-то из нас лиходеем прослыл?—спросил отца Таргын.— Может, это Шортан угоститься приехал у Естерека, что живет в стороне от улусов? Может, ты, мой отец, подостойнее гостя приветить не смог? Не предложил всего, чем богат дастархан, чашку меда отведать не пригласил?

— Не лишился рассудка еще Естерек, не забыл он, как надо встречать именитых гостей. Я навстречу ему с распростертыми вышел объятиями. На зеленом лугу юрту белую гостью поставил. И баранов отборных зарезал в честь бия. Да велел поднести ему добрый кумыс. Бий же дерзкий с коня не сошел — стал орать на меня. Ты глупец, говорит, обнаглевший! Разжирел, говорит, на мясе куланьем. Как ты смеешь держать в табуне своем жалком скакуна, нет какого в табунах многочисленных бия Шортана?! Как ты смеешь, мерген черно-костный, разъезжать на коне, нет подобно которому у самого даже хана Ормана?! Стал он просить. Дал ему семь коней я, которых кормил на забой. Но не взял их Шортан. Предложил ему шесть аргамаков — он от них отказался. И тогда я назвал скакуна Кускетпеса, не сумеет которого обогнать даже птица,— бий не принял его. Отказался он взять и коня Жельжетпеса, что резвее, чем ветер. И тогда откупиться решил я Бозатом, чьи копыта подбиты стальными подковами, а персидскою хною окрашены грива и хвост. Бий отверг мой подарок, да не просто отверг — он, коня своего горяча, вынул саблю и к самому горлу приставил мне острие. Вот тогда-то и проклял я старость свою—ведь позор этот мне пришлось пережить, когда силы былые ушли от меня. О, лучше б он перерезал мне горло и я захлебнулся в своей же крови, лучше б он на куски изрубил мое старое тело! Но Шортан не прирезал меня и не стал убивать — он отсек своей саблей кривою мою белую бороду. Сделав это, он саблю в ножны вложил, взял двухвостую плеть и меня, как раба своего, отстегал. А все сорок джигитов, что были при нем, над позором моим потешались. Тем не кончились униженья мои — бий увел за собою Тарлана, нашу гордость, с округлыми, точно у волка, ушами, скакуна, у которого ноги стройны, как у лани, а копыта прочнее, чем сталь. Он увел скакуна под седлом из золота литого, из наборного золота сбруя его, стремяна же ковались из самого звонкого золота в мире. Этот конь лишь батыру под стать, только юноша смелый мог счастья на нем попытать. Стоил конь этот тысяч отборных коней!

Услышав эти слова, Таргын едва не взорвался от гнева. Пересел он на Жельжетпеса, а в повод взял Кус-кетпеса. И помчался догонять бия Шортана. Таргын менял поочередно скакунов и вскоре настиг Шортан-бия. Он застал его спящим в зеленом шатре, что был разбит среди пышного луга.

Крикнул Таргын, остановившись перед шатром:

— Эй, бий хана Ормана Шортан, не заря уже и не ночь, чтобы спать — время к полудню. Срок пробужденья мужчины давно уж прошел. Вставай!

В ужасе проснулся от голоса Таргына бий Шортан, Задрожал он от страха, стал суетливо натягивать на себя доспехи, выхватил саблю. Поглядел бий в щелку и увидел, что стоит перед шатром не великан, не ангел смерти Азраил, а простой человек о двух ногах и с одной головой. Бий унял дрожь в коленях и разгневался оттого, что кто-то посмел нарушить его сон.

Шортан-бий напыжился как индюк и, чинно вышагивая, словно раскормленный гусь, вышел из шатра.

И сказал ему Таргын:

— Бий хана Ормана Шортан, что наведалься вчера в аул мергена Естерека! Бий Шортан — тот, что не стал гостить в белой юрте! Бий, который отверг мед и кумыс! Бий, опозоривший старого моего отца! Бий, который хлестал старика по седой голове. Душа моя готова сгореть! Что скажешь ты мне, бий Шортан?

Грозный вид батыра вселил страх в сердце Шортан-бия. И оттого заговорил он льстиво:

— Братец мой, я останусь в твоей юрте гостить, буду пить твой мед и кумыс. Забирай назад своего Тарлана, дай взамен Жельжетпеса и Кускетпеса.

Дай мне пестрого иноходца с белыми копытами и поджарого рыжего иноходца. Дай мне шесть аргамаков, семь коней на забой. Я приму эту подать и буду доволен, братец мой!

Отвечает ему Таргын:

— Ты, верно, думал, что в ауле моем нет хозяев, а у отца моего нет защитников? Заживут следы твоей плети, но не потухнет в груди пожар, что зажег ты своим оскорблением. Затянутся раны, нанесенные клинком, но не заживут вовеки те раны, что нанесены словами. Может, ты заблудился, а может, разум твой помутился? Тогда упади в ноги старику, которому ты вчера отрезал бороду, и моли о прощении. Совершивший постыдное для мужчины дело, что скажешь ты мне?

Скосил воровато глаза бий Шортан и увидел, что сорок его джигитов незаметно окружили Таргына.

Если трусов собралась толпа, то все они герои. Бий Шортан быстро осмелел, когда увидел, что вся его свита в сборе, а противник, хоть и бесстрашен с виду, но всего лишь безусый юнец. Бий вскочил на коня, что стоял на привязи под знаменем.

— Кто ты такой, чтобы так разговаривать с бием хана Ормана Шортаном?—крикнул бий.— Меч, который отрезал бороду твоего отца, сейчас отрубит твою голову. Эй, сорок моих джигитов! Полюбуйтесь-ка на мою потеху. Сейчас я сниму голову этому Таргыну, отрублю нос, проткну ухо и приторочу ее к седлу.

Так похвалялся бий Шортан, и, не подобрав даже повод, опустив свою саблю, спокойно, будто и не было перед ним врага, стал наезжать на Таргына.

— Не шути так, дядюшка,— сказал Таргын.
— А шутки у меня крутые,— ответил Шортан.
И уже поднял было саблю. Поднять-то поднял, но взмахнуть не успел. Таргын ударил его тяжелой плетью доиром, плетеной в двенадцать жил с грузом стальным на конце. И плеть обвила голову бия в собольей шапке. Бий упал с коня с разmozженным черепом. А сорок джигитов, увидев, какая участь постигла их повелителя, в страхе разбежались.

Таргын не стал их преследовать. Он снял с Тарлана короткую узду, накинул на него чембур, оседлал и от правился в родной аул, ведя в поводу Жельжетпеса и Кускетпеса.

Навстречу ему вышел Естерек.

— Отец, я убил Шортана — бия хана Ормана! — сказал Таргын.

И отвечал Естерек:

— Ты убил Шортана — ханского бия. И значит, навлек неизбежную беду на наши головы.— Старик опустил на землю и обхватил ноги сына.

— Дай совет, отец, найди верное решение,— сказал Таргын.

— Сынок, пролита кровь ханского рода, и за нее взыщут. Что ж, на лихого нарвется тот, кто лиха ищет. Кровь Шортана — твое проклятье. Но не грусти и не падай духом, Я пожил на этом свете. И до могилы мне ближе, чем до торя в юрте. Не тужи. Широка земля ногайлинская. Садись на Тарлана и ищи свою долю.

Пошел Таргын к своей матери Есенбике.

— Апа, я убил ханского бия Шортана и навлек на головы наши горе. Я улетаю из-под крыла твоего, так прости, что не смог отблагодарить тебя за белое твое молоко, которым ты вскормила меня.

— Ты ханского бия убил, но поступил как мужчина! Значит, не зря я вскормила тебя своим молоком.

Есенбике раскинула ладони и благословила Таргына. И еще мать дала сыну три совета:

— Не проходи, сын мой, мимо ханского дворца, а если придется пройти, не оглядывайся по сторонам. Не давай чужаку свой лук, даже если сдружишься с ним, но если придется дать — тетиву оставь себе. Не давай также и стрелы своей, но если придется дать — затупи наконечник. Нелегко тебе будет следовать моим советам, но только выполняя их, сынок, ты добьешься счастья и дойдешь до своей цели.

Таргын распрощался с родителями, сел на коня Тарлана и отправился в путь. И пролегли перед молодым батыром три дороги. Направо уходила дорога на славную свою казной золотую Казань, налево — па знаменитый Азов, а прямо — в далекий Крым. Таргын не стал никуда сворачивать и поехал прямо.

В то время маленький Крым был разрознен на сорок частей. Сорок ханств расположилось в Крыму. Из сорока крымских ханов самым сильным был Акша-хан. В его владениях и остановился Таргын. Проходили дни и месяцы. Минуло уже немало времени, но никто не догадывался о том, что настоящим батыром был скромный Таргын. Он продолжал жить на правах гостя в радушных аулах Акша-хана. Крым враждовал тогда с заклятыми своими врагами—франками, которые проходили по ногайлинским землям опустошительными набегами. И сколько

бы славных батыров ни вышло из ногаев, не смогли они победить и поставить на колени этого врага.

По в один из дней Акша-хан решился превзойти своих предков — он собрал огромное войско и отправился в поход. Таргын тоже пристал к войску, хоть никто и не приглашал его, а воины не подозревали о том, что появился среди них еще один батыр. И вот тяжелое войско, двигаясь непрерывно дни, недели и месяцы, достигло наконец вражеских рубежей. Враг тоже был наготове. Тысячи пеших и конных воинов под барабанный бой развернулись в боевом порядке, приготовившись встретить войско хана. И была кровавая битва. Кони ходили по колени в крови, а тела павших воинов горами возвышались над полем. Все же скоро ногайлинское войско стало одерживать верх. Враг начал пятиться. Но не дрогнул, не побежал, а, отступив, заперся в крепости. Акша-хан осадил крепость, много дней он пытался пробиться в нее, но разрушить стены так и не удалось. Высокими они были, со множеством башен, в которых укрывались стрелки. А толщина каменных стен была такова, что по ним свободно проезжала арба, запряженная парой лошадей. Лучники разили одного за другим ногайлинских батыров через маленькие — со стремячко — бойницы. Но воины все же пробились к самым стенам, смельчаки стали подниматься по осадным лестницам с одной лишь саблей в руке. Но сверху на их головы обрушились огромные — с котел — камни, потоками полилась горящая смола. До вершины стены не смог добраться ни один.

Прошло несколько недель, и войско хана выбилось из сил. Да к тому же кончились припасы еды. А враг в крепости за это время успел накопить новые силы. Стали франки устраивать вылазки из крепости. В самом неожиданном месте раскрывались ворота, и из них вырывалась вражеская рать, закованная в серое железо. Франки громили ногайлинские обозы и снова запирались в крепости.

Акша-хан перестал помышлять о победе. Стал подумывать он о том, как бы убраться отсюда подобра-поздорову. И велел он играть на кернеях и сырнях — собирать войско в обратный путь.

Часть II

Но насколько было хану легко достичь вражеской земли, настолько трудно оказалось вернуться в родные края.

Распахнулись все ворота крепости, и стало вытекать из них — словно струи дыма — бесчисленное войско.

С самого начала похода Таргыну еще ни разу не довелось принять участие в битве. Но все это время он присматривался к врагу и старался распознать причины неудач Акша-хана. Увидел Таргын, что ногайлинцы сняли осаду крепости и собираются возвращаться, а франки не думают выпускать их живыми со своих земель, и подумал, что пора бы ему испытать свои силы. Надел он кольчугу с просветами меньше воробьиного глаза, с двойными сверкающими на солнце зеркалами, на голову себе водрузил шлем белой стали булатной, круглый, как полная луна, украшенный перьями филина. Все пять видов оружия взял Таргын. Конь его, Тарлан, тоже не бывал еще в битве. Таргын укоротил подхвостник, затянул еще крепче обе подпруги. Тело коня укрыл непробиваемыми латами, так что только ноги были видны. Призвал батыр в помощь духов предков своих славных и сел на коня.

В это время передние ряды франков уже вклинились в строй ногайлинского войска, которое еще не успело развернуться. Враг напал бесстрашно и стремительно, словно сокол на добычу. Франки начали уже теснить ногайлинцев.

Но Таргын не бросился в гущу боя, не стал он смотреть и на полки, еще только подступавшие к войску, а кинулся прямо к воротам крепости. Тарлан нес батыра сквозь вражеское войско по пути, который Таргын расчищал себе копьём длиною в шесть кулашей. Достигнув ворот, Таргын выхватил тяжелый меч алдаспан длиною в семь карысов. И рубил он своим алдаспаном врагов, наседавших справа и слева, и скоро очистил от них площадь перед железными решетчатыми воротами, а потом взялся за палицу,

которая весила восемь батпанов и разбил ею вдребезги каменные засовы ворот. Франки снова метнулись к батыру, и он стал разить набегавших на него врагов кинжалом, а тех, что подбегали со стороны поля, настигать стрелами.

Когда Таргын кинулся один на врага, в войске хана никто не узнал в нем того юношу, что гостил недавно в аулах Акша-хана, подумали, что это кто-то из ногайлинских батыров,— их много было в этом походе. Народа без храбрецов не бывает. Сначала вслед за Таргином поскакал один воин, за ним второй, потом примкнули к ним другие джигиты. И вот группа ногайлинских воинов по проторенной Таргином дороге пробилась к главным воротам.

Когда Таргын с гиканьем ворвался в крепость, кося врагов, как сорную траву, к воротам бурной струей натекало остальное ногайлинское войско. В открытой схватке не было равных ногайлинским батырам. Вскоре они захватили полностью крепость, которая тянулась на сорок окриков, На всех башнях — было их девяносто две — выставили оранжево-красные ногайлинские знамена с золотым полумесяцем и волчьей головой. Как только крепость пала, войско франков, находившееся в поле, прекратило сражение. Франки разбили о камни свое оружие, в знак поражения сняли пояса и надели их на шею, стали во главе со своим ханом Олалаем сдаваться, прося о пощаде.

Возликовали ногайлинцы — ведь наконец-то был повержен враг, который столько лет восседал на шее народа, не давая ему распрямиться. Цель похода была достигнута, и войско двинулось в родные края. Акша-хан возвратился в свои наделы, залечил раны, а душа его обрела спокойствие. Сел он на свой трон и повелел привести к нему того батыра, что первым пробился сквозь вражеский строй к воротам крепости. Нукеры обошли всех батыров, которые были в походе, разыскали Таргына и привели его к хану.

Посмотрел хан на юношу и порадовался — до этого он видел его только издалека,— теперь же убедился, что он и обликом своим так же хорош, как и его дела. Но убедился хан и в том, что этот батыр не из его аулов — своих-то он всех знал в лицо.

— Какого ты рода?— спросил хан.

— Я ногайлинец.

— Из каких же ты ногаев? От кого вы ведете свой род? Кто предки твои?

— Большой народ ногайлы разбит на сорок частей, как сорок ножей. Земля моя родная — Кобан-су. Род наш благородный — Алшын. А предок мой дальний — славный Алау. И зовут меня Таргын. — Ер-Таргын, если род твой Алшын, а предок дальний— благородный Алау, что же делаешь ты в этих краях?

— Я убил бека, что был правою рукою нашего хана. И искал спасения своей голове и пристанища для души. И потому бежал в Крым, в твой журт.

И спросил тогда хан:

— Бежал? Но где была твоя храбрость, с которою обрушился ты на врага в этом походе?

— Не дело мужчины заставлять плакать свой же народ... Акша-хан убедился после этих слов, что Таргын не только храбр и хорош собой, он был, ко всему, наделен и умом. Не мешкая долго, хан отдал приказ назначить Таргына военачальником — аскербасы.

В те времена случалось нередко, что даже сотенные начальники ханского войска — жузбасы — в мирные дни пускались в буйства. Они не стыдясь обирали народ, учиняли разбой. А бывало и так, что, задумав в одну ночь отхватить несметные богатства, устраивали набеги на своих же родичей, живущих по соседству.

Случись в это время напасть настоящим врагам — народ оставался без защиты.

Таргын с первого же дня положил конец этим бесчинствам. И был он в этом деле не одинок. Он собрал вокруг себя сорок сверстников-батыров и багланов под стать себе, мощных; таких, что могли бы схватиться с горным медведем, с сердцами, наполненными благо родными мыслями о благе народном. И каждому дал он по скакуну-аргамаку, вручил по изогнутой

сабле: Где умом, а где силой — все вместе — они быстро навели порядок в улусе.

И воцарилось спокойствие. Прославился улус на всю округу. Стали стекаться в него потоком обиженные своими беками батыры, отвернувшаяся от своего хана чернь. В дружном журте каждому нашлось место, что царили здесь дружба и понимание. И у Таргына с каждым днем прибавлялись новые друзья и товарищи.

Была у Акша-хана дочь-баловница — тела ее не касался даже луч солнца, а волосы ее не тревожил даже степной ветерок. Слух о мудрости Таргына, его красоте и смелости передавался в народе из уст в уста, дошел он и до ушей дочери хана. Стала она спрашивать о нем подробней. И лишилась девушка покоя, когда рассказали ей о храбрости героя, бросившегося в одиночку на тысячное войско, о силе батыра, разбившего каменные засовы крепостных ворот, об уме полководца, положившего конец грабегам и насилию в улусе. Днями напролет девушка думала о батыре, а ночью он входил в ее сны.

И вот, наконец она подозвала к себе одного из воинов охраны дворца. Подозвала и вручила ему тысячу дильда.

— Пусть это золото будет залогом нашей тайны,— сказала она воину.— В ханстве появился батыр по имени Таргын. Пойди к нему незаметно и дай знать, что душа моя тянется к нему. Если кто-нибудь другой узнает об этом — не сомневайся в том, что будешь изрублен на части. И коли правда, что умен Таргын, он станет искать встречи со мной. В благословенный день — среду, когда затихнет все во дворе, ты подведешь его к моему окну с золотыми створками.

Пошел воин к Таргыну и передал слова девушки. Но Таргын был не только бесстрашным батыром, ума и рассудительности ему хватало с избытком, а поэтому задумывался он не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне ногайлинского журта, было ему сейчас не до свиданий с девушками. Но знал он и то, что ханская дочь ни за что не оставит в покое человека, узнавшего ее сокровенную тайну. Задумался над этим батыр, но так и не нашел верного решения. «Что ж,— подумал он,— подождет ханская

дочь, пока будет у меня на то время». С этим дерзким ответом отослал он воина.

Став военачальником, Таргын не снимал с себя доспехов и не сходил с коня. На следующий день незаметно для себя он оказался возле ханского дворца.

Таргын проскакал мимо минарета с голубым куполом и, когда поравнялся с золоченным окошком, конь под ним вдруг запнулся. Упала с головы Таргына соболья шапка, и стал виден черный айдар на белом как полная луна челе.

Батыр сошел с коня, чтобы подобрать шапку, и тут заметил, что из окна кто-то разглядывает его тайком.

Это была несравненная красавица Акжунус. Красотою своею она затмевала луну на ночном небосводе. И была она телом белее самой белой пшеничной муки, а ликом светлее степных миражей. Шелковистые косы ее спадали до пят, брови тонкие гнулись как луки тугие, а ресницы — стрелы острые в этих луках. Красотою своею могла Акжунус свести с ума любого, на кого падал взгляд ее бездонных и ясных, как у лани, глаз. Увидев ханскую дочь, Таргын тут же забыл про свои былые опасения. И воспылал он желанием встретиться с ней. И Акжунус, когда увидела Таргына, тоже вмиг позабыла обиду. Снова призвала она к себе нукера и повелела ему повторить Таргыну вчерашние свои слова.

А Таргын с нетерпением ждал гонца, В назначенный срок он пришел к золоченому окошку.

Девушка раскрыла окно и впустила джигита в свои покои, встретила как дорогого гостя, подала ему чаю, напоила шербетом и медом. В беседе они узнали все друг о друге и скоро уже смеялись и шутили как добрые друзья, раскрыли сокровенные тайны свои и мечты. Вскоре молодые люди поняли, как близки они душою друг другу. Когда предутренний ветерок пахнул в окно, Таргын решил покинуть девушку. И сказала ему красавица:

— С тех пор как стала я взрослой, а красота моя достигла расцвета, ни на ком не задерживался мой взгляд. И ни с кем еще не довелось мне

беседовать вот так — наедине. С тех пор как слух о вас дошел до меня, лишилась я сна и покоя, перестала пить и есть. Не вините меня за то, что я, девушка, стала первой искать этой встречи. И добавила: — Если же вы меня не простите, то печаль вовек не покинет меня. Навещайте меня, когда я подам о себе весточку. И не отказывайтесь от моего приглашения.

— Повеление ваше я принимаю...— Ответил Таргын. И с тех пор Акжунус и Таргын стали встречаться наедине. Но в один из дней пришел гонец и передал Акжунус слова хана: «Дочь моя, приехали посланцы, чтобы сватать тебя. Жених достойного ханского рода, и лучше его вряд ли кто-нибудь появится. Я даю свое согласие, скажи свое слово и ты».

На что Акжунус ответила:

— Я должна подумать, поразмышлять, пусть даст мне отец сроку три дня.

В тот же вечер она позвала к себе Таргына. — «Короток девичий век»,— так говорили в старину. Видно, и мой век кончится. Прибыли посланцы сватать меня за ханского сына. И отец мой, видно, дал согласие. А чтобы не обидеть меня, прислал гонца. Но что мне ханский сын — я и сама дочь хана. Что мне чья-то красота — я и сама красива. Я хочу соединить свое сердце с тем, кто отмечен самою судьбою и счастьем. Думаю, что только ты и есть тот человек. И если ты настоящий батыр, не дай меня в обиду, похитить меня. Только к тебе тянется душа моя, за тебя одного я и пойду. Объятия черной земли нашей милее мне, чем жизнь с нелюбимым. Если ты не будешь со мной, я умру от печали, другого мне и не суждено.

Таргын не отступился. В ту же ночь посадил он девушку на иноходца, которого звали Канатты — «крылатый», и они покинули ханство. Прошел день. Два. На третий день девушки-служанки сообщили страже об исчезновении Акжунус. Стражники передали весть своему беку. Бек отправился к хану и сказал: «Так, мол, и так, Акжунус исчезла из дворца. А где она сейчас, никому неведомо».

Опечалился хан:

— Сомнение закралось мне в душу еще тогда, когда взяла она у меня три дня сроку. Сдается мне, что сбежала дочь моя. И, видно, сбежала она не одна, а в каком-нибудь джигитом. Проверьте-ка, все ли беки и мурзы на месте.

Проверили. И не оказалось на месте Таргына, о чем и сообщили хану. — Был он здесь одинок, — сказал хан. — С одной лишь саблей да с одним конем, без близких и родичей. Теперь мне ясно. Это он похитил Акжунус.

Собрал хан народ и объявил свое грозное решение:

— Я разгневан тем, что дочь моя, которую я растил и лелеял, сбежала с первым встречным. Должна она была выйти за ханского сына. Но презрела Акжунус ханский род, связалась с чернью. И этим разгневала меня. Тот, кто настигнет беглецов, за того и выдам ее без промедления. И пусть окажется он богат или беден, молод или стар — я не изменю своего решения. А если будет дочь моя убита в погоне, я не взыщу ни с кого. Разлучите ее с Таргыном — остальное не волнует меня. То, что мне пришлось опустить в позоре глаза перед сватами, я вовек не прощу.

Услышав ханское решение, многие люди города устремились в погоню. Выезжали мурзы, взяв в повод кто одного коня, кто двух, а кто и трех — смотря по достатку. Уставших коней они собирались менять в пути. Казалось, что целое войско двинулось в поход, когда все они выехали разом из города. Здесь, в степи, беки и мурзы собрались на совет. И пришли они к разумному решению. «Даже если мы и догоним их, Таргын не отдаст девушку, — сказал кто-то. — Скорее, он всех нас перебьет». И сразу часть собравшихся заспешила назад, к стенам города, словно Таргын уже показался на горизонте.

Был в этом сборище один старик шестидесяти пяти лет, выехал он на одной только лошади.

Когда все повернули обратно, он один не стал разворачивать коня. «Раз уж я пустился в погоню, — сказал им старик, — возвращаться нельзя, это все равно что умереть. Хватит сил — отобью девушку, не хватит — значит, суждено мне судьбою погибнуть». И старик поскакал в степь. ...Вдруг конь захрапел под Таргыном. Тарлан храпел так лишь тогда, когда

сзади приближался враг. Обернулся батыр и увидел одинокого всадника. Сказал Таргын:

— О Акжунус! Хотя и девушка ты, но судьбы наши отныне связаны вместе, а значит, ты друг мне. Одни у нас с тобою помыслы и мечты. Ты дочь хана, красавица, взлелеянная в любви и ласке, и полюбила ты меня за львиное мое сердце, за силу тигриную. Ни разу при виде врага не дрогнуло сердце мое. Но в этот раз чую я, что недобрая тень витает надо мной, не знаю, что уготовила мне судьба. Видишь, кто-то маячит вдали как грозовая туча, как сталь перекаленная. Вижу я, что восседает на коне великан со скалу, а несется он к нам быстрее орла. Это враг, и ищет он встречи. В руку левую лук он возьмет, а правой рукою вложит стрелу. Не отступится он, пока пенную кровь не прольет. Нет, не стоит нам путь продолжать. Если смерть мне суждено принять от батыра, мать-земля впитает в себя мою кровь, и найдется в ней место для могилы моей,— так сказал Таргын и развернул коня.

Часть III

Акжунус тоже натянула повод, она верила в неотвратимую силу Таргына. И пока всадник далекий приблизился к ним, они стояли рядом, беседуя между собой.

Всадник, увидев, что беглецы остановились, тоже сбавил ход коня, который в гору шел размашистым скоком, а на спусках летел, словно падающая звезда. С боков скакуна слетала клочьями пена, а грива и хвост развевались как вихри.

И вот он уже рядом. Всадник оказался могучим воином в тяжелых стальных доспехах, как и Таргын. Это был старый воин — на необъятную богатырскую грудь его спускалась седая борода.

Таргын поклонился, приветствуя его, как пристала младшему приветствовать старшего летами мужчину.

Просветлел лицом могучий, как каменное изваяние на вершине горы, старец и принял приветствие Таргына, — Что выслеживаешь ты в степи, батыр,— дикого зверя или врага? Мрачен и суров твой облик, как снежный буран, а сложением походишь ты на кречета, вскормленного на добром корме. Нет, не праздно ты бродишь в степи. Скажи, что погнало тебя в этот путь?— спросил Таргын.

— Девушка та, что как в небе звезда, та, что умом и красою равно отмечена богом. И девушку эту — красавицу Акжунус — ты похитил и с нею бежишь. Я же отбить у тебя ее вышел. Старость моя — это все, что в укор мне поставить ты сможешь. Но сединою отмечен и возраст пророка. Лук неспроста на плече у меня, не для забавы кинжал на ремне. Без сожаленья смерть свою встречу, но если ж она вдалеке от меня — я Акжунус у тебя отобью!— ответил воин.

— Я бы назвал тебя перевалом, что не по силам даже атану. Я бы назвал тебя ветром из горных ущелий. Вижу, что телом могуч ты и смел. Но

чем я хуже, чтобы невесту тебе уступить? Кто я такой — знает народ! А тебе уж давно бы пора назваться!

— Я такой же батыр, как и ты, я брал города и один, как и ты, бросался на целое войско, но все это было давно. Благороден и доблестен род мой, и славу крымцев я когда-то вознес на тулпаре крылатом — все сорок крымских журтов помнят об этом. Дальний мой предок — знаменитый Ер-Кулик, отец мой — Коянак-батыр, до сих пор он у всех на устах. А я — сын того Коянака — Карткожак!

— Храбрость твоя полыхает пожаром, и никто усомниться не сможет в твоих богатырских делах. Годы мудрости дали, наверное, тебе. Подумай, ну как ты отобьешь у меня Акжунус? — спросил Таргын.

— Если сам Тенгри руку мою направит — я пику всажу тебе под ключицу. Я кинжалом взмахну и взрежу им сердце твое. Я кровью твоею окрашу Тарлана-коня, на котором ты сидишь передо мной. И храбрость твоя тебя не спасет, потому что решит это дело лишь богатырский опыт мой! И если ты веришь в счастье свое, а не в мои слова, то выходи на поединок. Ты моложе меня. И поэтому первый черед — мой. Если ты достойный мужчина — не оспаривай это право мое. А расстояние — сам назначь мне, — сказал Карткожак.

Таргын был не из тех, кто стал бы оспаривать право старшего на первую стрелу:

— Пусть останется право твое за тобою, старик! Таргын не нарушил приличий, хотя гнев распирал его. Он спокойно ожидал своей очереди, а старик глядел на него злобно, словно взбешенный верблюд. Но не захотелось вдруг Карткожаку стрелять в благородного батыра, который уступил ему право первого выстрела и теперь, гордо расправив грудь, восседал на коне. И это была не жалость.

«Я старик, — подумал Карткожак, время мое отошло. Он же молод, и все у него впереди. Не вчера ли еще он разбил врага, с которым не могли сладить семь колен наших предков? Став аскербасы, он смог мир и покой воцарить в нашем журте. Нет, он рожден не для одного только рода, а на счастье всего народа ногайлы. И где бы ни ходил, он будет думать о чести всего ногайлин-ского народа...»

И еще подумал старик: «Не буду-ка я убивать его и калечить коня, покажу свою силу иначе. А когда он в ней убедится, то и сам мне уступит ханскую дочь...»

В колчане у Карткожака было много стрел, и среди них: кез-стрела — боевая, тиз-стрела — охотничья, кияк-стрела — свистящая стрела, стрела «ягнячья лопатка», стрела с наконечником, как лунный серп, медная рогатая стрела, кровавая — красная стрела, стрела бронебойная. Но из всех стрел взял старый воин единственную догал-стрелу, с тупым утолщением на конце, и вложил ее в лук. Натянул тетиву на всю длину стрелы и выстрелил. Он целил в золоченый колчан, на который опирался Таргын, и догал-стрела разнесла его вместе со всеми ста шестьюдесятью стрелами, что хранились в нем.

— А теперь мой черед!— сказал Таргын и выхватил саблю из ножен.

— Нет, постой!—закричал Карткожак.— Я не целил в тебя, я метил в твой колчан. Думал, что ты поймешь мою доброту, думал, укротишь ты свой гнев. Но не понял ты ничего, потому становись заново. И подумал Таргын: «Старик говорит правду. Если бы он захотел, то попал бы без труда в коня моего, что выше утеса, в меня, ведь я с целую гору. А если отклонилась стрела, почему угодила она не куда-то, а в колчан? Нет, прав старик, и поступок его нужно оценить, я встану снова, пусть использует свой выстрел по-настоящему». И вспомнились Таргыну слова матери: «Не ходи мимо ханского дворца, а если придется пройти — не оглядывайся». Понял он, что близок час его смерти. Но честь для мужчины дороже, чем жизнь, и не жалел Таргын, что оказался ненароком возле ханского дворца, что встретил и полюбил красавицу Акжунус. Но одно печалило его — испокон веку повелось в народе, что батыр должен погибнуть в бою, защищая народ, а он шел на смерть ради одной своей любви.

Крепко опечалилась Акжунус, когда увидела, что из-за нее батыр подставляет себя под стрелу. Не стала она ждать, пока Карткожак приладит свою кровавую красную стрелу, и подъехала к Таргыну.

— Батыр, смерть ты должен принять в бою, отстаивая честь народа. Не стоит тебе драться со старшим братом своим из-за девушки. Оставь меня и уезжай,— сказала Акжунус.

Батыр — прост сердцем и, как всякий храбрец, наивен как дитя. «Избалованная ханская дочь наслышалась о моей славе и сама стала искать со мной встречи, нарушив заветы отцов. Нет, не добродетель это, а прихоть ветреной красавицы. А теперь, в трудный час, я стал ей не мил, и выбрала она этого Кожака. И из-за нее-то я был готов голову сложить...» — так подумал Таргын, и охватила его великая обида.

Развернул он коня и, даже не взглянув на девушку, двинулся прочь. Возрадовался Кожак, словно с плеч его рухнула тяжкая ноша, ведь хотя и не дрожала рука его — сердце билось все это время в тревоге. Он подошел к девушке, которая сошла с коня и, закрыв лицо покрывалом, венчавшим ее высокую шапку, горько плакала, усевшись на землю. — Что ты плачешь? — спросил Кожак. — Не потому ль, что считаешь меня беркутом старым, с насеста свалиться готовым? Или дряхлым таким, что пригорка осилить не может? Так услышь то, что хан повелел: кто сумеет догнать вас — тот возьмет тебя в жены, и если убита ты будешь в погоне, то не взыщут за смерть твою ни с кого в этом мире. Будешь плакать, я отрублю тебе голову и уеду. Раскрой лицо!

Но девушка не раскрыла лица. И только стала плакать еще пуще.

— Чем зря проливать слезы, лучше встань и сними со своей головы покрывало, — сказал Кожак. — Я хоть и стар, но не тот, кого стоит ненавидеть. Доблесть моя устрашает врагов, а силы моей хватит, чтоб усмирить молодого. Вправе нынче я выбирать, а не ты. Покажи себя. Стать свою и лицо, брови, волосы, лоб и глаза. Погляжу я, как ты сложена. И если придется по нраву ты мне, то возьму тебя в жены. Если нет, хоть моли на коленях, — оставлю в степи.

Тогда девушка перестала плакать, и вот что она сказала Кожаку: — Эй Карткожак! Оглянись и поводья коня натяни! Только что свою жизнь на меня ты поставил и с трудами большими отбил. Как ты можешь теперь, похваляясь, изъяна во мне искать? Так знай хоть, за кем столько дней ты по следу скакал, за кого свою жизнь недавно поставил на чашу весов. Я — дочь Акша-хана, чье счастье и доблесть выше всех в сорока крымских ханствах. Как гусенка степного растили меня мои мать и отец. Но и гуси, научившись летать, ищут пару себе. Среди овечек от самой драгоценной овечки я пила молоко, но окрепли копытца и я заискала простора. Среди

вольных коней самым резвым и самым заметным я была скакуном. И нашла себе пару — аргмака, и с ним к голубому заветному озеру счастья я держала свой путь. Но на этом пути ты предстал, и счастье мое погубил, а теперь захотел оценить мою статью.

Что ж, ступай на базар Бухары, там увидишь ты пряжу ту, что шелка нежнее и длиннее аркана, и тогда ты представить лишь сможешь, какие косы у дочери хана. А потом отправляйся к зергеру, он браслеты витые из золота чистого льет. Пуговицу златую ты спроси у него, и тогда ты представить лишь сможешь, какая у меня голова. А потом отправляйся к мулле, что выводит священную вязь на бумажных — со скатерть — листах, посмотри на крутые извивы калама, и только тогда ты представить лишь сможешь, какие брови у Акжунус. А потом отправляйся в цветущий сад, найди среди плодов благодатных фисташку, и тогда ты представить лишь сможешь нос точеный красавицы-дочери хана. А потом в Самарканд отправляйся, там увидишь деревья сандала, что растут словно слитые вместе и тогда ты представить лишь сможешь зубы белые Акжунус. А потом ступай к кузнецу, проволоку он тянет из серебряных слитков, и тогда ты представить лишь сможешь руки красавицы — дочери хана. А потом от правляйся ты в лес, трепетного увидишь там зайца, и тогда ты представить лишь сможешь стана округлость красавицы Акжунус. Свежий снег поутру ты когда-нибудь видел? С ним сравнится одним белизна моей кожи. А румянец на щеках моих — кровь на этом снегу.

Красотою моею восхищались послы из Мысыра, Урыма, Чинмачнна и Унду. А мудрость мою оценила благородная знать десяти ногайлинских родов. Солнца луч не касался лица моего, а волос не ласкал даже ветер. Но думать кто мог, что когда-то и свободную лань петля захлестнет. В петлю эту сама я пошла из родного гнезда, чтоб с любимым сойтись, как сойдутся осколки разбитого блюда. Не разлучай меня с избранником моим. Не всякий, кто силой вершит свое дело,— батыр. Даже если батыром прозвали его — не достоин он это высокое звание носить. Ты батыром себя называешь, Кожак. Благородным батыром. Так не разлучай же меня с моим львом!

Страсть воспылала в Кожаке, когда Акжунус воспела перед ним свою красоту, но в то же время слова Девушки заставили его крепко задуматься. Он не отпустил Акжунус, но не оттого, что было ему жаль лишиться

красавицы. Карткожак не мог вернуться назад с пустыми руками. Ведь тогда бы все сказали, что он свернул на полпути, испугался. «Нет, не бывать тому,— решил Кожак.— не стану я славы своей лишаться из-за какой-то девицы».

Акжунус тоже убедилась в том, что Кожак хоть и заколебался, но менять своего решения не собирается.

— Эй, Картожак! Ты младенцем в колыбели не плакал. Не просил материнскую грудь, когда тебе не давала ее мать твоя, чьи ладони были окрашены хною, а грудь источала тонкий запах жупар. Годовалым ребенком ты уже не боялся ни огня ни воды. А в тревожную ночь грозовую задушил ты змею, что вползла незаметно для взрослых в твою колыбель. И отец твой суровый, как горные скалы, тот, кто край свой от недругов злых охранял, безрукавный свой панцирь годами с себя не снимая, порадовался за тебя. В пять лет смастерил ты из прутика лук. А когда ты стрелу в первый раз боевую пустил — шесть сотен шагов пролетела она. Брат твой старший тогда ликовал больше всех, он отдал тебе лук из рогов таутеке и красные стрелы из таволги горной.

В десять лет засверкал ты невиданной мощью, словно бивень слоновий. В красно-синее платье ты стал наряжаться, пояс крепко стянув, ты подвесил к нему меч аршинный, похожий на рыбу. А на празднествах шумных, штаны подвернув, выходил на борьбу с палуаном, что старше тебя был на несколько лет. И родня ликовала твоя.

А в пятнадцать ты возглавил свой род. Лук себе ты согнул из сосны молодой, а из стройных березок вытесал стрелы. Обучился искусству владенья мечом и найзой. Гарцевал на коне. И глядя на это — ликовал твой аул.

В двадцать лет ты на девушках взгляд свой задерживать стал, перестал сторониться игрищ и забав, словно некуда было расходовать силы свои. Рады были друзья за тебя.

В двадцать пять заковал ты в доспехи себя боевые. Грозен лед твоих глаз был, когда среди воинов славных ты в свой первый поход снаряжился. И когда не в открытом бою, а попавшись на подлую хитрость врага, брат твой старший погиб — ты, гарцуя пред войском, бросил клич боевой и убийцу

брата вызвал драться один на один. Враг коварный не смог устоять перед грозною силой твоей — вы на пиках сошлись,— через миг опустело седло скакуна вороного с отметиной белой во лбу. Враг на землю упал, но его ты не стал добивать. А спешившись сам, коня своего отпустил. Вы рубились на саблях, за кинжалы взялись. И врага одолеть ты сумел в поединке, и алою кровью его ты окрасил зеленые травы. Глядя на это, ликовали аламань ногайлинских родов.

В тридцать пять с бубенцами найза под коленом была у тебя — ты возглавил с ней войско. Ты как ястреб устремлялся в погоню, увидев врага. Страх рождали волчье-серая масть боевого коня твоего, ты как вихрь врывался на нем в города. Ликовало все войско, встречая тебя. В сорок пять ты опорой древнего Крыма надежной стал, города на подветренном крае за тобою в спокойствии жили, как за каменной мощной стеной. Только стоило вражьему кличу раздаться, ты, навстречу пришельцам один против тысяч встав, побеждал. И, глядя на это, ликовал весь народ. В пятьдесят пять, Карткожак, твоя мудрость достигла вершины, многотрудные споры ты решал справедливо на сборах великих. И тогда ликовали все ногайлы.

Шестьдесят и пять лет тебе нынче. Как осенний ковыль побелела твоя борода. Неужели иссохла, как в засуху черный ручей, в жилах кровь твоя, Карткожак? Неужели ты друзей растерял, что явился один? Неужели врагов не нашел, чтобы с ними сразиться за правое дело? Или думаешь, ты, что под старость на белой твоей голове вдруг как мудрости знак народятся рога? Как ты радостно смотришь на ханскую дочь! Неужели подумал, что я, коль сбежала с джигитом чужим, за тобою пойду так же просто? Я люблю одного — и никто в этой жизни не нужен мне, хоть убей — за тебя не пойду. Если раньше батыром ты был, то теперь голова твоя стоит не больше, чем засохший кизяк на дороге!

Возвысился духом Карткожак, когда красавица воспевала его подвиги, благородство и мудрость, но, услышав последние слова ханской дочери, он сник. Не разгневали батыра слова Акжунус, а лишь пробудили в нем голос разума.

Подумал Карткожак: «Вся жизнь моя до пятидесяти пяти лет известна ханской дочери, словно все это время рядом со мною ходила она.

Благородная мудрость ее несомненна. Она любит Таргына. Не простится мне грех, если силой я возьму ее в жены».

И еще он подумал: «Какую я жизнь прожил до пятидесяти пяти лет, и какую она будет в шестьдесят мять? Силы мои не покинули меня, и только что я доказал это, нет, и в старости верен себе должен быть человек. И об этом сказала сейчас мудрая девушка. Нужно найти в себе смелость признать ее правоту. Пусть влюбленные снова сойдутся».

Часть IV

Старый воин не стал больше мешкать. Он догнал Таргына, соединил его с девушкой и сказал им на прощанье: «Езжайте! Я хочу, чтобы достигли вы счастья, которого я не достиг!»

Таргын и Акжунус тронулись в путь и скоро оказались на раздольных берегах реки Едиль, во владениях Орманбет-ногайлы. В те времена народ Орманбет-ногайлы делился на десять улусов, и в каждом улусе правил свой хан. Одним из них был Ханзада-хан. В его улусе и остановился Таргын. Бий, принявший его, спросил:

— Из какого ты рода, от кого повелась ваша кость? Батыр назвал свой род и дальних предков.

— Как же тебя зовут?

— Таргын — мое имя.

— А кто твоя спутница?— спросил бий.

— Моя спутница дочь Акша-хана Акжунус.

— Если она дочь Акша-хана, то как оказалась она в этих степях, вдали от своей обители? — Я похитил ее,— сказал Таргын. — Таргын, кто ты, если осмелился похитить дочь хана?— изумился бий.

Отвечал ему Таргын:

— Я тот, кто разбил Олалай-хана!

После этих слов бий проникся уважением к своим гостям. Он и раньше был наслышан о подвигах Таргына.

После этого бий отправился к Ханзаде-хану и рассказал ему о гостях. Хан немедля вызвал к себе Таргына и Акжунус, оказал им почести, с которыми встречают самых знатных гостей. И, кроме того, хан сказал своему бию:

— Через десять, а может, пятнадцать дней, которые Таргын проведет рядом с красавицей Акжунус, он заскучает по друзьям, по соратникам своим — батырам, по весельчакам-мурзам, по сверстникам, с кем делился сокровенными тайнами. В душу его проникнет тоска, а грудь наполнится печалью. И захочет он уйти в другие края. А чтобы не случилось этого, подружи его с моими батырами, пусть объездит как гость все аулы. А когда сойдется душою со всеми достойными моими людьми, привяжется сердцем к нашей воде и земле, не станет батыр тосковать по родному кочевью. Бий познакомил Таргына со всеми батырами и достойными людьми, показал земли, подвластные Ханзаде-хану. После того как Таргын побывал во многих аулах, он снова вернулся к Акжунус. А все батыры, и мурзы собрались у хана на сбор. И узнали они на этом сборе обо всех подвигах Таргына. Сказали бии:

— Если это и есть знаменитый Таргын — все мы знакомы с ним. И считаем, что достоин Таргын своей славы. Повеление ваше исполнено — мы воздали ему все почести.

И еще сказали бии:

— Если это Таргын, то нам нужно направить его против торгоутов-калмыков на берег Шагана. Только вчера они свалились на нас как проклятие бога и отняли силой те наделы, что семьдесят семь поколений предков наших считали своими. Пусть Таргын вернет нам наши земли на берегах Шагана.

Хан поддержал решение биев. Позвал он к себе Таргына.

— Ты покинул свой край и отправился в Крым,— сказал хан батыру.— Ты разбил врагов крымского журта — Олалая и Булалая. А теперь ты вошел в наше подданство. Ты должен освободить наши земли от торгоутов, чье войско собрано под черным бунчуком из конских хвостов. Сказал Таргын:

— Хорошо, хан, я согласен. И еще он сказал:

— В этот поход я отправлюсь не оттого, что стою у тебя под началом. Задета честь всех ногайлы. И если тенгри будет угодно— все снова встанет

на место свое. Но только в спутники дай мне троих из сидящих сейчас перед троном твоим.

Хан спросил:

— Кого ты возьмешь?

И ответил Таргын: Карасай Кобен, Алшагыр Теген, Омар Сабен, — Дай ты в спутники мне сына Карасая Кобена, сына Алшагыра Тегена и сына Омара Себена. Вместе мы выступим в поход. И приказ ваш будет исполнен.

Таргын и три его товарища выступили в поход на торгоутов. Захватчики еще не успели вольно расположиться на берегах Шагана. Не выдержали враги натиска батыров, духи предков покинули их, и они разбежались.

Батыры разгромили вражеский стан, как стадо овец погнали торгоутов и выдворили их за перевал у верховий Шагана. Таргын, сделав это, не успокоился. Он решил, что если торгоуты задумали вернуться, то теперь они должны собирать новое войско. Батыр поднялся на вершину огромного дуба, что рос возле седловины перевала. Он сел верхом на ветку дуба, но она оказалась гнилой. Батыр упал с самой вершины дерева и ударился спиной о землю. Больше он не мог и шевельнуться. И опечалился он оттого, что увечье это он получил не в бою, не от сабельного удара и не от стрелы, что даже крови своей не увидел. Таргын лежал недвижим, а спутники ничем не могли помочь ему. Решились батыры доставить Таргына в ханскую ставку. Сделали носилки из четырех перекрещенных копий, приладили их к двум коням. А чтобы батыра не мучила боль на ходу, они намертво привязали его к древкам копий. Ханзада-хан созвал лучших лекарей, долго бились они над Таргином, но вправить позвонок не смогли. Таргын не в силах был даже сдвинуться с места.

В это время ханская ставка стояла у горы Булгыр, в которой было шесть пещер, из которых вытекали шестьдесят ручьев. Хан свернул свою ставку и откочевал на берег Шагана, на вновь обретенные земли. Он оставил Таргына с Акжунус и конем Тарланом, снабдив их припасом еды на шесть

дней. Ханзада-хан сказал, что пришлет за ними своих людей, когда обоснуется у берегов Шагана.

Прошла неделя. Но от хана не было вестей. Кончилась еда у Таргына и Акжунус. Некому было пасти коня Тарлана.

Прошло десять дней. Но на помощь к ним никто так и не пришел. Печалью наполнилось сердце Таргына. Там, в Крыму, рядом с ним были верные друзья, батыры и мурзы. Разве бы лежал я так, если бы рядом были они, но променял я их верную дружбу на любовь ханской дочери, а теперь вот расплачиваюсь за это,— подумал Таргын. И запел он свой печальный толгау —

О гора, ты гора Булгыр!

На вершине твоей облако у подножья.

Как многолюдный базар так недавно шумел аул!

Но ушли от тебя облака, у подножья аула нет!

И осталась гора одна, как покинутая сирота!..

Смерчем черным на злых врагов налетал я когда-то стремглав, но покинули силы меня, даже голову мне не поднять.

На коротком своем веку — в скольких битвах я побывал, без царапины, невредимым, из ристалищ лихих выходил!

Кто ж подумать мог бы тогда, что судьбою предписано мне здесь от голода умереть?

На лугу, средь высоких трав, отлетит от меня душа.

И брненное тело мое не омочит никто водой.

Разве может от ветра укрыть голый куст?

Разве мужу есть польза от недостойной родни?

Разве сможет лачуга сырая с разбитым порогом и ветхою крышей укрыть от дождя?

Разве сможет опорой народ смельчаку послужить, если ханы в народе лишь сеют раздор?

Вяз раскидистый с кроной широкой — только он от ненастья укроет.

А от града в весеннюю ночь только каменный дом нас спасет.

Нет пристанища в журте, что смутой разрознен. Люди будут смотреть, как ты упадешь, отбиваясь один от врагов. Даже если подковою лунной подобьешь

ты им каблуки — ни один не пойдет за тобой, ни один не ступит на лед.
Каждый думает лишь о себе, как бы душу свою уберечь.
А ведь был я тулпаром бесстрашным и гордым, я смерть презирал и бросался
с обрывов высоких, лишь бы только врагам пресечь к отступлению путь.
А ведь я аргамаком был смелым, что решался по гладкому льду на застывшей
реке проскакать, не боясь оскользнуться!
О сколько, сколько мечтаний моих не сбылось!
Жизнь моя вдалеке от родного кочевья прошла, и все годы вблизи от меня
только враг.
Так ради кого я лишения эти терпел?
...На устье широком великой реки, там, где с морем сливалась она, две
твердыни стояли — Тана и Азов.
Шумный съехался сбор возле стен этих двух крепостей — богатырские игры
народ захотел посмотреть.
На ристалище том Аксыбана-батыра, руки чьи из стали булатной, от седла
оторвал я и бросил на землю... Но не те шестьдесят лошадей, что объявлены
были как приз, волновали меня. Вышел я на борьбу, чтобы честь отстоять
ногайлинского журта!
...Помню год, когда миром решались старинные распри. Мы тогда
помирились с самим Булалаем.

Славный праздник был устроен в честь перемирия, самых лучших стрелков к
состязанию призвали.

Первым лук натянул меткий Биток, что по правую руку сидел от Булалая. Он
сумел поразить в заднюю ногу самку марала, что всего лишь на миг
показалась в просвете деревьев. А когда наступил мой черед, я выцеживать
начал самого вожака из маральего стада.

Две лопатки навывлет прошила стрела и на целый карыс и суем впилась в
каменный выступ горы. Балалаевых сорок джигитов не смогли ее вырвать из
камня!

И не меч золотой, что назначили призом тому, кто в искусстве стрельбы всех
затмит, был мне дорог — я славу народа родного возвысить старался!

...Плот из кедров могучих я надежно связал и на нем от истока до устья
проплыл по реке нашей древней — от неверных очистил ее!

Я в поход собирался, кольчугу свою приторочив к седлу за собой и в
товарищи выбрав сорок лучших джигитов, в любую минуту жизнь готовых
отдать, если только того пожелает народ. С ними шел я по синему льду, в
топях с ними я увязал, с ними, мучимый жаждой, влачился сквозь пыльные
бури в песках непролазных. Но луга благодатные предков наших я сумел
возвратить!

Сколько раз в шестимесячный путь вокруг Едиля я Тарлана-коня направлял!
Чтобы только дедовы зимовки сохранить от набегов.

Ищет падали ворон черный! Ищет крови матерый волк! Муж же славный живет для народа!

Нет, не тучные стада, что калмыки под черным бунчуком взрастили, меня волновали, и не ради добычи военной я в поход снаряжился. Не для хана очистил я берег Шагана, о сородичах думал — о старших и младших, о котлах наших черных, о светлых младенцах, что еще в колыбелях, думал я, собираясь в поход.

О несчастные ногайлы! Значит, разум покинул вас — если, все позабыв, вы как пьяные ринулись слепо на ристалище том Аксыбана-батыра, руки чьи из стали булатной, от седла оторвал я и бросил на землю... Но не те шестьдесят лошадей, что объявлены были как приз, волновали меня. Вышел я на борьбу, чтобы честь отстоять ногайлинского журта!

О несчастные ногайлы! Значит, разум покинул вас — если, все позабыв, вы как пьяные ринулись слепо навновь обретенный Шаган, а меня в тот же час позабыли! Недостойный — это тот, кто в минуту лихую руки не подаст, не посадит за собой на коня. Нет, пока я глаза не сомкну, буду помнить обиду! А ведь ради тебя одного, мой народ, шел я в бой — и за это ты мне отплатил! Я хребет свой сломал, защищая тебя,— и за это я брошен тобой, мой народ! Но не думай, что это пройдет тебе даром! Уваженьем героя ты не смог окружить, а поступкам его благодарность воздать. Кто же станет народ уважать, если в этом народе героев не ценят? Жизнь моя! Одни лишь скитанья...

Значит, духи ушли от меня?! И душа моя — малая мушка — готова отлететь? Значит, я уже встал на дорогу, по которой отправились в царство иное столько славных мужей! Пламя сердце сжигает мое, когда я прошлые дни вспоминаю.

Акжунус моя, черной сурьмой твои брови подведены, а ладони окрашены хною! Ханская дочь! Ты на ханских сынов не взглянула и супругом меня назвала. И склонил я главу пред тобою. Ты была моей гордостью и достояньем. Значит, так суждено — ты лишишься супруга, а крылья твои будут сломлены, и свет твоих глаз черный ветер загасит. Я б хотел, чтобы лани детеныш сам спустился к тебе и смертью своею спас тебя.

Конь благородный, Тарлан! Нет, пока ты был рядом, я не глядел на породистых скакунов, что беки держали под богатыми седлами. И когда в чистом поле ратный клич раздавался, когда аламаны садились в седло, я искал лишь тебя! В диком гуле открытого боя, в тумане набегов — лишь ты был силой и мощью моей. Нет, никто от погони твоей не ушел, и никто не сумел настигнуть тебя, когда сам ты летел от погони. Ты без дела зачах, мой скакун. Помнишь, в скольких боях мы с тобой побывали, и ни разу тебя не задела стрела, миновало копьё. Неужели на этом аркане встретишь смерть без меня? Нет наследника у меня, что тебя напоит у реки. Так иди же к

озерам, поросшим кугой. Пусть развернется твердь у тебя под копытом и забьет в этом месте ручей!

То, что я здесь лежу,— это позор моих сверстников. Может, голос мой скорбный достигнет крымских пределов, может, крымским батырам он тоску мою донесет? Разве только они мне помогут, в презренных трусов нет надежды уж никакой. Но достойные Крыма сыны, где они? Где вы, кто меня уважал, кто мой путь охранял в последнем походе — сын Карасая Кобен, сын Алшагыра Теген, сын Омара Себен, где же вы?

Часть V

Но нет, Акжунус, никто нам с тобой не поможет, если уж самые лучшие друзья и те вдалеке. Нет у меня сына, который станет искать отца. А родители мои стары и немощны, чтобы отправиться на поиски сына. Нет у меня и братьев, которые бы пришли к нам на помощь. Была у меня на этом свете лишь одна надежда и опора — сила моя богатырская. Но вот и ее я лишился. Лежу с перебитым хребтом на земле. Хан нас покинул и даже никого не прислал. Будь же проклята белая кость! Нет на свете подлее людей, чем отпрыски ханского рода!

И снова запел Таргын свой толгау:

— Ресницы твои — стрелы, а брови — луки тугие, благородная Акжунус! Затмевают солнце тучи — значит, быть дождю; затмевают тучки месяц — значит, темной ночи быть. Голубое озеро покрылось рябью, закричали лебеди навзрыд — значит, вожаку из лебединой стая перебили правое крыло. Я на тело брренное свое гляжу — ноги отнялись, и руки предали меня, а в груди нет сил уж никаких. Губы ссохлись, в жилах кровь как будто не бежит — значит, объявил тенгри уж надо мной волю грозную свою. Если в небе туча распоролась, кто сумеет сшить те лоскуты? Если ветер дует — он во власти и разгонит с неба облака; если же звезда упала с небосвода, то она погаснет навсегда... Акжунус, и лев останется лежать в овраге, если пробил час его судьбы. Крутобровая моя Акжунус, чьи уста как наперсток. Среди красавиц красавицей лучшей была, но бессильна теперь твоя красота. Благородней тебя не сыскать на этом свете, но разве спасеньем нам будет благородство и знатность твоя? Не озаряй меня своею красотой. И хоть я сейчас с трудом могу поднять веки, больно мне смотреть на тебя — воспоминанья дней былых сжигают сердце.

Красавица моя, чьи косы гуще пряжи шелковой и чьи глаза нежнее, чем у кроткой лани! Ты меня переживешь. О, как тосковали в темной ночи, когда был я в набеге, алые губы твои и белая грудь! Кого тебе ждать, чью лелеять судьбу, когда льва своего ты лишишься? Кто расстегнет на груди у тебя

десять пуговиц, кто подложит твои локоть пухлый под голову, кто?.. Конь Тарлан мой, из стали булатной копыта твои! Ты, измотанный скачкой, себя не позволил настичь никому. Вот сейчас ты стоишь под седлом предо мной, но что мне от этого проку? Бег твой чудный не порадует, больше меня! От рожденья отмечен ты был небесами. Жеребенком, потом стригунком годовалым и даже трехлеткой-кунаном продолжал ты сосать вымя матки своей. На четвертое лето доненом ты стал, волочил за собою аркан, что был свит из шести разноцветных шнуров хорасанского шелка. Помнишь, баловень мой, ячмень и овес я в ладонях тебе подавал? Жеребцом непокорным и гордым на пятое лето ты стал, не касался курук твоей шеи — в родном табуне ты гулял по просторному лугу. На лето шестое я седло золотое на спину твою возложил и уздечку впервые накинул. Дробный топот копыт твоих в это лето долетел до далеких гор пестро-белых. На лето седьмое сотрясалась земля, когда рысью тяжелой пронесился ты степью, и враги ужасались завидев твой бег.

Мой бесценный тулпар! Ты страха не знал, битвы грозные звуки тебя распалили сильнее лишь только! После смерти моей бродяга-разбойник тобой завладеет, мой бедный скакун! Копыта твои как след очага, грудь — шире юрты, а холка похожа на караульную сопку, хвост — кинжал обнаженный, а грива пышнее шелковой пряжи, уши — камышовые листья над озером тихим. А глаз твоих свет ярче свеч в темноте. С горловину кувшина ноздри твои, айналайын Тарлан, лопатки играют под кожей твоей как две широких доски. Весь твой облик, тулпар несравненный, мне люб! Где тот день, когда я со знаменем пестрым и белою пикой стальной на тебе пронесусь! Где тот день? Почему, стрелой пораженный, я тебя не оставил в бою? Почему я седла твоего стариком не покинул, от жизни уставшим? Неужели на свете нет джигита несчастней меня?!

Таргын попрощался с Акжунус и своим любимым конем. Теперь он был готов покинуть этот мятежный мир.

И тогда подумала Акжунус:

«Я хоть и дочь хана, но все же простая женщина. А он бросил все на свете — бросил журт, где его любили и почитали все от мала до велика,— ради Меня.

И смерть он принимает благородно, посвятив мне свой последний толгау. Теперь мой черед высказать все, что на сердце. Пусть и на том свете душа его будет ко мне благосклонна».

И запела Акжунус:

— Благородный мой лев Ер-Таргын! О скольких врагов ты в крови захлебнуться заставил! Почему же ты душу свою омрачил? Тополь, сломленный ветром, на землю падет, но разве побег молодой не поднимется к небу от старого корня? Как вдовою оставить меня ты надумал, если наследника нет от тебя? Где же разум твой светлый, путь во тьме освещавший? О тулпар, где кобыла, что, кровь твою сохранив, жеребенка на свет принесет? Неужели, смельчак, мир покинуть собрался, не сделав попытки подняться? А ведь мог ты к драконовой пасти подойти не страшись! Жизнь свою готова я пожертвовать ради тебя, но разве тенгри мой согласится на жертву такую?

Акжунус продолжала петь:

— Кто же выровнять сможет черных наров нестройный ряд? Кто же челки подрежет коням серо-пегим? Кто кочевья возглавит над Едилем великим? И кто кобылиц для дойки вечерней соберет на просторных жаикских лугах? Что станет с народом, опоры свою потерявшим? Белый сокол зачахнет на насесте своем, опадут его крылья стальные и хвост. Лебедь белая, пару свою потеряв, не поднимется в небо, погибнет в тоске неутешной. Открой мне обиду свою, Таргын, раз уж в путь безвозвратный собрался. Повинна ли я пред тобою? Укажи мне на крепость, за стены которой мне укрыться велишь, на кого же поднять мне глаза — укажи? Нет, мой лев, я из жизни уйду за тобой!..

Так пела Акжунус.

— Славный Таргын! Топора, окропленного кровью, владелец! Таргын, твое имя гремело над Крымом, Мажаром, Урымом, Казанью! Удила грызущий тулпар, на дыбы поднимавшийся к небу скакун боевой! Перед мощью твоей кто же мог устоять? Неприступны сивашские мутные волны, для тебя же они — брод привычный! Аккерманские белые степи пугали чужих, для тебя они были прикрытием надежным! О Таргын, грозный страж

казылыкских черных камней! Это ты бросил наземь Аксыбана-батыра у Азова державного стен. Ты шесть суток, очей не смыкая, стрелу за стрелой насылал на врагов и развеял Аяукена тяжелое войско. Меч скрестить свой успел ты со всеми на свете врагами. От истока до устья прошел ты Жаик и Едиль! Разозлившись, мог дуб могучий как тростинку согнуть! Что толку, Таргын, от смерти твоей? И отрадой кому твоя храбрость? Ты увечье понес от паденья! И позорно теперь умираешь, как трус, покинувший в страхе поле боя! Жизнь свою ты прошел как герой, а теперь жалкую смерть приготовился встретить!..

Был до этого уверен Таргын, что не поверит никто в родном краю, будто умер он, свалившись с дерева, а скажут — погиб герой в бою с шаганскими калмыками. Но теперь задумался: «Если уж родная жена сказала обо мне такое, то уж чужие постараются ославить меня... Нет уж, такая смерть не для меня, стыдно...»

Не давал Таргын лекарям прикоснуться к своей пояснице, но теперь во гневе лютом превозмог он смертную боль и надавил изо всех сил руками на выбитый позвонок. Хруст раздался, и позвонок встал на место. Акжунус длинным — в шесть кулашей — шелковым полотнищем накрепко обвязала батыра, и он, опершись на ее плечо, смог встать на ноги. Ощутил Таргын, что вправился позвонок, что может он теперь двигать руками и ногами. Сказал он тогда Акжунус:

— Похоже, что тенгри выполнит наши желанья. И хоть сердце объято печалью, грудь мою наполняет радость. Подведи ко мне Тарлана!

Акжунус поспешно подвела к нему под уздцы Тарлана. Благородный тулпар отоцал за эти дни на привязи, и хоть был он бессловесным животным, но горе пережил не меньшее, чем Акжунус и Таргын. Конь застриг ушами, всхрапнул и сам встал перед хозяином. Акжунус, как и в былые времена, когда Таргын был здоров, сама заседлала Тарлана.

Таргын облачился в свои доспехи, взял оружие и посадил перед собой Акжунус.

— Поедем за теми ногайлинцами, что оставили нас здесь одних на покинутой стоянке,— сказал Таргын.

Так и двинулись они в путь нескорым шагом аян — женщина и еще не оправившийся после ранения воин.

Вдруг захрапел Тарлан, захрапел и беспокойно ударил копытом о землю. Видно было, что благородный скакун чем-то сильно обеспокоен.

— Акжунус,— обратился к жене Таргын.— Мы о Тарланом старые друзья, хоть и не человек он, но понимаем мы с ним без слов друг друга. Храпит мой конь лишь в минуту опасности. А копытами землю бьет, когда предстоит жаркая схватка да быстрая скачка. Значит, покроются потом черным бока скакуна моего. Сейчас выдал конь обе свои повадки сразу — захрапел и стал бить копытами землю. Сам я оглянуться не могу — посмотри хорошенько, нет ли близко кого? Как бы кто не потревожил нас в неподходящее для боя время.

Оглядела Акжунус степь вокруг и говорит:
— Не видать никого. Только там, вдалеке, вижу я две черные точки.

Сказал Таргын в раздумье:

— О, создатель великий! Снял ты смертельный недуг с тела моего, как шелуху с просяного зерна. Встал на место вывихнутый позвонок, подумал я, что не престоало герою бежать от людей, и потому решил догнать ногайлинцев, которые так вероломно бросили меня на погибель. Эти две тени, что замаячили впереди, может, и есть те ногайлы, которых я разыскиваю, а может, это вестники ангела смерти Азраила? Не храни, мой Тарлан, если это мирные люди — опасности нет, но если это вражьего войска разезды — черным потом не покроются твои бока. Ради кого я стану мучить тебя в который уж раз, мой тулпар? Люди чужого рода себя показали, как только увечье я получил. Красавица, если ты перечить не станешь, то я сверну с этой дороги.

Так сказал Таргын и натянул повод.

Ответила ему Акжунус:

— Нет, не нужно так поступать. Если это враги, то нам от них не укрыться, ежайте навстречу. Если это мирные люди — значит, те самые ногайлы. Поезжайте к ним, пусть увидят, что здорова ваша спина. Если мы

им не покажемся, то скажут люди, что Таргын-батыр покалечился, с дуба упав, и теперь его кости белеют у подножья горы Булгыр.

— Что ж, едем,— ответил Таргын.

Всадники, что показались вдали, оказались табувщиками Ханзады-хана. Они узнали Таргына и поскакали сообщить об увиденном людям на джайляу. «Здоров Таргын!»— новость эту сообщили биям, те поскакали к хану и доложили ему: «Появился батыр Таргын, он остановился в наших крайних аулах».

К этому времени калмыки, изгнанные с берегов Шагана, успели накопить новые силы. Они уже окружили плотным кольцом ханскую ставку, но пока еще воздерживались от набега. Через своих послов калмыки сообщили хану условия, по которым готовы были выпустить ногайлинцев с только что отвоеванных джайляу на Шагане — хан должен отдать им свою красавицу-дочь. Ногайлинцы же медлили с ответом, чтобы выиграть время. Узнал хан о том, что вновь объявился в его аулах Таргын, и со всеми своими биями пришел к нему на поклон:

— Не сочтите, батыр, все что было за обиду. Но мы не смогли возвратиться, враг отрезал нам обратный путь. Горем великим объята сегодня наши сердца. Снова нас хотят изгнать с земель наших. Дочь мою позору предать захотели враги. Не видим мы никакого выхода... Правда ли, батыр, что вы нынче в здравии, что избавились от недуга?

Сказал батыр: — Слава аллаху, приехал... Обратился к нему хан: — Так истреби же врага, прогони его, как ты уже сделал это однажды! — Нет, не могу я пока выступить в бой,— ответил Таргын.— Но я научу вас кое-чему, а потом — враг сам от вас уйдет.

Сказал хан:

— Научите нас, батыр, как избавиться от врага, если нет у вас сил вступить в бой.

И стал Таргын поучать хана. Вот что сказал он ему. — Хан, бескрайние моря просторы хороши для рыбы огромной. Как створы ворот ее хвост, плавники — шире весел челнов быстроходных. Есть где резвиться на вольном просторе коням молодым, а в дружном народе

привольно живется герою — здесь его уважают, здесь цену знают ему. Если доблестный муж возглавляет народ, то бесстрашны в народе том даже малые дети, Каково будет рыбе в мелкой луже, ответь-ка мне, хан? На голом такыре кустик травы не найдет и козленок! Каково ж будет житься герою, если родичи предать готовы в любую минуту его? Если султан вероломен, что будет с нукером, который за ним устремится в поход? Жена, овдовев, найдет себе мужа другого, сестренка, без брата оставшись, найдет себе пару. Пусть тенгри избавит от горя джигита, что целью высокой задался. Тоска неизбывная грудь его золотую и сердце большое спалят. Эй, подлый султан! Не думай, что падалью сгинет джигит, что так гнусно был предан тобой! И пока все двенадцать частей его тела целы — пусть даже конь его гордый ношу двойную несет,— он найдет себе волю! В чем вина моя пред тобою, грязным псом? В том, что я тебе верной защитой служил? Дня не пройдет — верный конь мой Тарлан, что зачах на аркане, снова мощь свою наберет! Но ради тебя он уже не поскачет, как прежде. Не пройдет и недели, как спина моя заживает, будто не было хвори! Но ради тебя я уже не взмахну алдаспаном, как прежде. Даже если Тарлана я оседлаю, он не станет врагов настигать, как то было тогда, даже если я меч обнажу, он не будет сверкать, как когда-то. Я кольчугу свою с зеркалом стальным в девять слоев, что от стрел и копья мне защитой надежной служила, не надену! Но даже если облачусь я в нее, то не станет блистать моя доблесть, как раньше. Почему, спросишь ты, преподлючий султан? Потому, что в ком ледяной смерзлось сердце мое и его никакая жара не растопит. Зачерствела душа моя, словно торфа болотного пласт, даже если полить ее маслом, не размякнет она. Нет, мерзкий султан, ты не ведаешь вовсе, что доверчивым волком я рожден. Много зайцев, но на них никогда не глядел я. Кровавыми были реки Караже и Кобан. Были мутными реки Актоган и Бодан. Славные реки — Самар, Ушозен. Поймы рек этих были от веку средоточием битв и споров кровавых. Нет, хватит с меня и крови врагов, и твоей благодарности. Не стану я жить в этой спорной земле. Я уйду. В степь уйду. На западный берег Едиля. И не стану ждать ледостава, обойду эту реку. Через Дон переправлюсь на плоту. Вплавь Сиваш одолею и в Крыму окажусь. Сорок сверстников славных, сорок друзей меня ждут там, в Крыму. Расскажу, как подло здесь предали меня, изолью им все горе, что в душе накопилось моей. И если создатель опорой мне будет, я вернусь. Я вернусь и алою кровью окрашу твою бороду куцую, хан, покатаю по земле твою голову! Понял, хан, в чем суть моих

слов? А теперь, если ты не желаешь, чтобы я исполнил тут же угрозу свою, убирайся!

Часть VI

Слова Таргына повергли в ужас хана. Посовещался Ханзада-хан со своими биями и мурзами и сказал:

— Слезами детей и жен наших, ни в чем не повинных, молю вас, батыр. Остудите свой гнев. Под горою Булгыр я покинул вас одного, и вину свою признаю. За это в жены возьми дочь мою, и в знак примиренья дай руку!— с этими словами хан взял Таргына за руку.

Батыр смог унять свой великий гнев, и отправились они в ханскую ставку — орду. Через несколько дней спина у Таргына зажила окончательно. Калмыки-торгауты, ставшие на путь войны, не знали о том, что Таргын вернулся к хану. Ханская дочь так и не была выдана им. Дождавшись окончания срока перемирия, калмыки сели на коней и всем своим войском под бой барабанов двинулись на ногайлинцев.

Омрачился могучий Таргын, когда увидел, что приближается вражеское войско. С хмурых бровей его падал снег, а ресницы покрылись инеем — таков был во гневе бесстрашный Таргын, разящий всякого, на кого направил копьё, разрубающий всякого, на кого поднял меч, и сокрушающий любого, на кого замахнулся шокпаром. Он надел на себя серый панцирь из стали ледяного тусклого блеска с лохматыми черными кистями, взял оружие, сверкающее ярче солнца. Сел Таргын на своего тулпара, что мог по болоту кулана загнать, что в полдня настигал лошадей, за шесть дней до него в путь пустившихся, что, заслышав клич боевой, устремлялся вперед как стрелазмея! Сел Таргын на тулпара, что словно грозный дракон, с хрустом страшным грыз удила, сел Таргын на коня, что преградой для себя не считал ни гору, ни реку и следы оставлял на земле, каждый — как след очага. Словно злой демон, черным смерчем понесся Таргын к вражескому войску. На огромном — в шесть кулашей длиною — коне возвышался, словно гора, впереди войска калмыков зайсан Домбаул. Он издали заметил Таргына, Домбаул тоже был непревзойденным в своем народе батыром. Понял он

намеренья Таргына и сам выехал ему навстречу для поединка. Сказал Домбаул, когда Таргын приблизился к нему!

— Вижу я, что храбростью ты, джигит, слегка наделен, как бы я не зашиб тебя невзначай. Резов ты, как летняя тучка, а видел ли ты, как тучки в горах об утес расшибаются? Поостерегись, а то я тебя слегка зацеплю, лучше сразу скажи — драться вышел или пришел на поклон?!

Ответил ему Таргын:

— Если ты пригорок невысокий — я вершина снежная над тобой! Если ты ветерок с перевала — я черный смерч с вершины горы! Если ты ворон, что каркает жалко, — я орел с опаленным солнцем крылом. Если хочешь знать, кто я таков, — знай — я тот самый Таргын, так недавно тебя с твоим войском прогнавший, как стадо баранов вдоль шаганских равнин. Что ж, мужчины черед — до третьего раза. Если не боишься — выходи на бой!

Сказал на это Домбаул:

— Нет, я — не ветер с перевала, а горный поток, все сметающий на пути! В прошлый раз птица счастья слетела к тебе, но сегодня она вновь возвратится ко мне! Это я десять лет назад обрушился на ногайлинцев, как лесной пожар, и изгнал их с берегов Шагана. Ты напал на мой народ, пока я отвоевывал жаикские берега для своего хунтайджи. За это падет твоя голова! Вижу я, что ты молод, а потому дай мне, как старшему, право первой стрелы, Не был Таргын трусом, чтобы избегать боя, не стал он препираться, раз уж старший батыр попросил уступить ему первый выстрел. Домбаул, привыкший проливать кровь людскую, сразу же потянулся к колчану и достал из многих стрел своих кровавую черную стрелу. Натянул он тетиву на всю длину стрелы, прицелился и выстрелил в Таргына. А метил он поверх головы Тарлана, выше золотой луки седла — в самое сердце Таргына. Просвистела стрела над самой головой Тарлана, над золотой лукой седла, ударила в бок батыра над самой печенью. И прорвала стрела восемь из девяти слоев его кольчуги, и уже прорвалась было сквозь последний — девятый слой, но святой покровитель ногайлинского батыра Бнтуа-ажа-Баба заслонил тело героя своею ладонью. Понял Таргын, какая опасность миновала его, и к силе его великой прибавились вмиг новые силы, вырвал он из кольчуги вражескую стрелу,

наконечник которой от удара смялся, словно побывал в самом жарком пламени, сломал ее пополам и швырнул на землю. И проговорил Таргын — громом небесным зазвучал его голос:

— Пес кусучий с черным сердцем! День настал, когда ворот кольчуги твоей порвется! День настал, когда пестрый твой конь будет заколот на поминках твоих! Свой черед ты получил, а теперь, если хочешь, то я отпущу тебя подобру, беги же, собака! А если меня не боишься, стой на месте! Смотри, как смертную стрелу твою я пущу. Если силы меня не покинут, ты отправишься в преисподнюю!

«О, предки мои!»—обратился Таргын к духам своих дедов и запустил руку в колчан, украшенный изображением тигра, отделанный костяными пластинами. Из многих стрел он выбрал стрелу с наконечником как ягнячья лопатка, оперенную черной щетиной. Взял он лук из рогов таутеке, с тетивой, скрученной из кобыльего хвоста. Натянул Таргын лук до самого наконечника стрелы. Прицелился он поверх головы пегого коня, на котором сидел калмык, поверх луки седла в самое сердце. Зазвенела тетива, сверкнула стрела, словно молния,— пролетела она над головой коня, над лукой седла и ударила в самое сердце калмыка. И не спасло его зеркало—расколосось пополам, не спасла его кольчуга, порвалась как ситец. И пробила стрела навывлет огромное тело Домбаула и расколола огромный — с казан — камень за его спиной.

Выронил Домбаул знамя, которое держал в руках, и, успев проговорить: «Далайлама лух!..» — рухнул на гриву своего коня. Погрузилось в печаль все вражеское войско, увидев этот страшный выстрел, поняли воины, насколько силен Таргын. Накинули они на своих коней траурные покрывала. Трусы стали подумывать о том, как бы им побыстрее убраться с поля, а батыры опечалились, поняв, что противник сильнее...

Посовещались они и, двинувшись все разом, окружили батыра. Понял Таргын, что оказался в кольце врагов, огляделся кругом и сказал: — О, повелитель мой! Во многих кровавых сраженьях я побывал, но только теперь вижу — доведется испытать не на шутку мне силы свои! Не меньше шести тысяч врагов предо мною. Нет, тенгри, если мне не поможешь ты сам, мне не выбраться живым с поля этого. Аруах! Дай коню моему нескончаемых сил! Дай мне мощь неотвратимую!

И еще сказал Таргын:

— Вражье войско густое как лес окружило меня. Если смогут меня одолеть, значит, взят будет весь мой народ. Что же будет тогда? Как мне пережить тот позор? Настал день выпустить все мои стрелы, оперенные орлиными перьями, что ребра пробивают врагам. Значит, день наступил, чтобы меч обнажить в шесть карысов, что скалы рубит, как камыш, что врагов разрубает надвое. День настал, чтобы пику с древком сосновым, с острием в четыре сверкающих грани, пику с пестрым значком, что острее драконова жала, мне направить на врага! День настал для тебя, конь Тарлан, неустанно скакать против тысяч врагов. Мой тулпар, коротки и мощны твои бабки, подтянут твой пах, конь Тарлан с головой точеной, как у лани! Так сказал Таргын и собрал всю свою мощь. Он сошел с коня, еще туже подтянул переднюю и заднюю подпруги. Опустил он панцири, что защищали голову и грудь тулпара. Нацепил ему на лоб продолговатое, с ладонь величиною, зеркало. Поправил сбрую.

Снова вскочил на коня герой. Не в первый раз стоял батыр перед вражеским войском. И потому спокойно и мерно билось в груди его большое сердце. Таргын волчьей рысью проехал по кругу, и каждый раз содрагались воины, увидев, что он приближается к ним.

И вдруг он развернул Тарлана прямо на врагов, пришпорил его и с боевым кличем врезался в строй войска.

И смяты были враги на его пути, как береговой тростник. Попяtilись они и бросились в стороны, как напуганные овцы. И был Таргын среди них как волк в стаде овечьем. Проскакал Таргын, круша врагов, в сторону луны, развернулся и погнал их по ходу солнца. А потом стал кружить, сбивая торгоутов в кучу. И покрылся мертвыми телами путь его, и кровь вражеская заливала ноги Тарлана до колена.

Наскакивали на него самые отважные батыры и тут же валились под ноги Тарлана. Но многочислен был враг, не было видно конца наседавшим воинам.

Как дождь в ненастную погоду заструился на землю пот с боков Тарлана. И стеснилась от ратных трудов душа батыра. Кровью обагрился панцирь на его могучем теле. Но разве устанет конь Тарлан, пока целы

четыре ноги? Но разве честь свою уронит батыр, пока в теле его отважная душа?

Только теперь настал миг испытанья для героя и его коня. И впервые с тех пор, когда Таргын сел на своего любимого скакуна, он ударил его тяжелой плетью. Блеснули искры, высеченные копытами Тарлана,— конь вытянул шею и стрелою помчался вперед. И снова засверкала в руках батыра ненасытная сталь клинка. Взялся Таргын за свое копьё с сосновым древком в шесть кулашей. Теперь враги не могли дотянуться до него ни саблей, ни шокпаром. Разлетались они в разные стороны, захлебываясь в собственной крови. Путь, которым проскакал Таргын через вражеское войско, был отмечен грядою холмов из поверженных тел. А меж этих холмов протянулся как ров глубокий след, который оставил Тарлан на земле.

Взялся Таргын за свой тяжелый шокпар в шесть батпанов. Как колышки вбивал он им в землю врагов, заслонявшихся от ударов мощными своими щитами. В лепешку разбивал шокпаром пришельцев, закованных в стальные доспехи. И не осталось живой души там, где проскакал ногайлинский батыр.

Взялся Таргын за свой топор-айбалту, что похож на месяц в ущербе, что насажен был на красное древко из меди. Разрубил он им надвое батыра Дабу в шлеме белом, на сорок частей изрубил великана Дондука. Ине осталось у врагов смельчаков, которые бы смогли вступить в единоборство с Таргином.

Взялся Таргын за кинжал, что висел у него за поясом. Выбрал себе батыра Серена. Схватил его за ворот и стянул с коня. Зацепил его крюком на конце копья и поволок за конем. Захрипел Серен как дикий вепрь. На сутки шестые непрерывного боя снова вернулась к батыру прежняя сила его. На седьмой день скачки появилось дыхание второе у коня Тарлана, снова он показал свой чудесный бег.

В день восьмой навсегда закатилось солнце для врагов. Выхватил Таргын из колчана лук и стал разить врагов стрелами. На девятый день большая часть вражеского войска лежала поверженная на земле.

На десятый день торгауры думали лишь о спасении души. Волоча перебитые ноги, в крови и пыли, старались они скрыться подальше от этого страшного места.

В день одиннадцатый стал уставать благородный конь Тарлан, опала волнистая грива тулпара, ослабли быстрые ноги. Исхудал конь совсем. И каким бы резвым и неутомимым ни был скакун, на двенадцатый день и он изнемог.

В страшной ярости пребывал все это время Таргын, он готов был и дальше продолжать бой, но взглянул он на коня своего и увидел, что загореться готовы легкие скакуна—так он часто дышал, поглядел на копыта и обнаружил, что стерлись они почти до пеньков.

Погладил Таргын своего коня по шее и сказал:

— Конь мой быстрый — поката твоя спина, а грудь необъятна, неукротим бег твой чудесный. Ты, скакун мой, вытягивался в струнку, проносясь по безлюдным просторам степным. Ты размашистым ходом взлетал на вершину гряды, где растет бетеге. Помнишь, скакун, как взбирались мы к самым вершинам горных хребтов, где в каменный узел сплетались острые гребни! Ты мне жизнь спасал. Так что же с тобою случилось сейчас, когда жизнь свою мы отдать, либо жизнь у врага отобрать собрались?

Сказал так Таргын и снял с коня прикрывавшие его тяжелые латы. Снял с себя девятислойный панцирь. Бросил все оружие, оставив одну только саблю.

И снова вступил в богатырскую игру свою с одною лишь саблей в руке на коне без лат.

Устал конь Тарлан, но и сейчас он мог ударом копыт развалить стены каменного дома.

Духи предков покинули калмыков, когда вновь появился батыр, когда он с новыми силами бросился на них, И рассеялись они в страхе по степи, каждый бежал, думая лишь о спасении своей души. Таргын объехал все овраги и порубил врагов, что пытались укрыться там.

Настиг тех, кто пытался убежать в степь, Закатилось солнце, двенадцатого дня. Ночь наступила. А когда вновь забрезжил, рассвет, то увидел батыр небывалое зрелище—во всей степи не осталось ни одного живого врага — один он остался на поле боя.

И оглядел он тогда коня своего Тарлана. Меньше наперстка стали огромные копыта тулпара, оставлявшие след на земле с яму от очага. Губы длинные, словно подол, были теперь не толще двух пальцев. И только пеньки остались от красивых, как камышовые листья, ушей скакуна, пышная грива, что до земли доставала, стала длиною не больше вершка, и лишь небольшой клочок остался от огромного — в размах рук — хвоста. Осмотрел батыр коня, насчитал на его теле семнадцать ран. Но хоть и устал от долгого боя скакун, он не терял своей стати — Тарлан и сейчас был сильнее простого коня-жабы. Видно было, что если откуда-то вновь раздастся воинственный клич, конь стрелой взовьется над степью, и любому другому коню его не достичь.

В окровавленной белой рубашке, высвободив ноги из коротко подтянутых стремян, тихой рысью, так что едва вилась пыль из-под копыт Тарлана, поехал батыр вниз по склону холма к ногайлинцам, которые издали наблюдали все это время за боем. Подъехал он к людям, что не смыкая глаз, забыв о еде и питье, следили за ним, прося у создателя победы для героя, к хану и биям, которые тоже наблюдали за исходом боя, готовясь, в случае поражения Таргына, тут же обратиться в бегство.

И поднялись навстречу батыру все люди, и поклонились они ему низко в знак благодарности — все до одного во главе с самим ханом. В честь победы Таргына над врагом был устроен великий пир со скачками, со стрельбою из лука по золотым слиткам. Люди в играх и развлечениях, взбодренные терпким кумысом, не замечали, как сменялись чередой дни и ночи.

Часть VII

Но хан отступился от своего слова. Как только враг был истреблен, он тут же забыл про свое обещание выдать за Таргына дочь. Сказал хан Таргыну:

— Расспросил я о семи поколениях твоих предков батыр. Нет у тебя в роду ни белокостных торе, ни ходжей, значит, ты чернокостный казах. Боюсь я разгневать духов предков своих тем, что, кость родовую испортив, выдам дочь за тебя. Можешь объехать все десять родов орманбетских и выбрать из наших аулов любую красавицу, что тебе приглянется. Ответил ему на это Таргын:

— Я простил тебе предательство, когда ты бросил меня одного под горой Булгыр. Но эту обиду — не прощу. Ты обещал мне дочь, за это перебил я всех врагов.

Таргын забрал Акжунус и отправился с ней в крымскую сторону. И снова страх обуял хана и всех его биев. Что будет, если Таргын выполнит свою угрозу? Встревожился и весь народ. В недобром предчувствии жили люди, не в силах отвлечься от тяжких дум своих,— огня не зажигали, чтобы приготовить пищу, перестали даже доить скотину.

Был в те времена среди ногайлинцев мудрый старец по имени Сыпыра-жырау, сто лет прожил он на этом свете и успел пережить девять ханов. И всех их сумел он наставить на путь справедливости. Пришли люди к старцу за советом, и был среди них сам хан со всеми биями.

— Дважды мы обманули Таргына,— сказали они.— В первый раз, когда оставили его на берегу ручья под горой Булгыр, пообещав вернуться, а сами не вернулись. Второй раз, когда пообещали выдать за него ханскую дочь в награду за истребление врагов, а сами не выдали. Разгневался Таргын, и пригрозив, что воздаст нам, когда вернется из Крыма с сорока своими друзьями, уехал. Сам он когда-то покинул свой журт на реке Кобан, убив человека, а из Крыма сбежал, умыкнув ханскую дочь. Уживется ли он в этих

землях? И сможет ли исполнить свое обещанье? Может быть, это просто угроза? Растолкуй нам все это. И что бы ни случилось, мы поступим так, как ты нам повелишь!

Ответил тогда Сыпыра-жырау:

— В страхе великом пришли вы ко мне, хан мой и торе. Бии и мурзы! Души ваши в смятении. Отчего же только в горе вы приходите к старым жырау! Почему вы не чтите батыров в мирные дни, а в лихолетье бежите за ними!

И еще сказал старый жырау:

— Дело зашло далеко—быть набегу. И хорошо, что вы опомнились, хоть и поздно. Слушайтесь отныне меня. И не смейте больше вилять хвостом, словно хитрая лисица. А совет мой таков все до единого отправляйтесь к Таргыну. И пусть не одна только чернь пойдет на поклон, не только бии и мурзы, но и сам хан. Бросьтесь в ноги Таргыну и просите пощады. Если он и вправду решил уйти в Крым — попрощайтесь с ним миром. Если же снова разгневается батыр — нет от него избавленья! Окрасится кровью твой ворот, хан! Не уймется батыр, лишив тебя головы. Город твой превратится в руины, разоренью будут преданы все джайляу твои! Многочисленный журт твой станет рабскую жизнь влачить! Поспешите же немедля отвратить это страшное горе!

Ханзада-хан решил выдать за Таргына свою дочь. Сказал он Сыпыра-жырау:

— Вина лежит на всех десяти ответвлениях нашего народа. Лжецом оказался сам хан и все люди его. Нет среди нас живой души, который бы мог довериться Таргын. Как же нам остановить его? Отец, поезжайте сами вслед за Таргыном или назовите людей, которые бы могли уговорить батыра. Сказал на это жырау:

— Нет в народе твоём единства, не на кого положиться в трудный час. Трудно будет найти человека, которому бы поверил Таргын. И все же герои всегда уважали тех, кто предан был им в тяжелую минуту. Отправьте за Таргыном сына Карасая Кобена, сына Алшагыра Тегена и сына Омара Себена, что были ему верными спутниками в первом шаганском походе.

Отправились трое джигитов вслед за Таргыном. Коней своих погоняли они, спускаясь с высоких увалов, широким наметом взлетали на сопки и наконец догнали Таргына. Поспешно оставили седла, поравнявшись с батыром, подошли к нему пешие и взялись за стременные ремни. Попросили прощенья за все обиды. И смогли уговорить Таргына вернуться. Въехали они в ханские наделы, и сразу же направились к белой юрте, у которой ждали их все знатные бии и мурзы во главе с ханом. И здесь при огромном стечении народа не смог хан от стыда вымолвить ни одного слова. Молчал и Таргын, все еще не унявший своей великой обиды. Запел тогда Сыпыра-жырау свой толгау: — О сынок мой, батыр! Послушай, что скажет тебе старец древний, который за жизнь свою все стороны света трижды успел обойти! Послушай, что скажет тебе тот, кто видел, как мелели озера, как лес густой превращался в такыр, как не раз затмевалась луна на ночном небосводе! Сыпыр-жырау называют меня, долго прожил я на этом свете, дважды по девяносто — столько будет, если все мои счесть года. Двести раз девяносто — столько героев я видел за жизнь свою. Не скажу, чтобы все они были сильнее тебя, но и храбрость твоя им ни в чем не уступит! Но ни разу не видел я, чтобы славный батыр угрожал своему народу!

Эй, мой хан! Видел я до тебя девять ханов, в одеянье драгоценного шелка. Но не было среди них хама, который не ценил бы батыров, не чтит бы народных заступников.

Вот уж давно поседела моя голова, и близок предел, за которым кончается старость. Неужели увижу я, как батыр отправился в бой не за честь родного народа, а движимый своею гордыней? Неужели увижу я, как хан, забыв думать о завтрашнем дне народа, стал печься лишь о своем дне сегодняшнем?

О батыр мой! Рядом с тобой Акжунус, та, что в славном Крыму ты избрал себе в жены, та, что вместе с тобой пережила все невзгоды твои. Что тебе до неразумного дитя, неужели коня боевого ты променяешь на стригунка? Что тебе до дочери хана? Эй, мой хан! Вспомни, как твой народ от набегов бежал. Тебе ли обделять уваженьем батыра, который тебя заслонял?

Батыр! Если и вправду духи предков тебя берегут, ты не должен бежать от народа!

Хан! Если правда, что так благороден твой род, ты не должен забывать о судьбине народной!

О батыр мой! Если там, в вышине, клекот орлиный раздался, у подножия гор не посмеет стервятник голос подать. Если там, в облаках, пролетает беркут с каменным клювом и стальными когтями, волк не смеет на стадо овечье напасть. Так останься с народом, которому верную службу ты нес! И весь этот журт будет просить пред всевышним о твоём процветании! И все эти знатные люди почтеньем своим тебя окружают! Хан, что рядом с тобою сидит, князья и жайсаны, весь народ одарят тебя по геройству, которое ты проявил.

Черного сокола подарят тебе, от сокола этого даже слепень не сможет уйти. Почему бы тебе не охотиться с этой ловчею птицею на наших озерах? Черного иноходца к тебе подведут—на спине у него не расплещется в чаше вода — так плавлен шаг того иноходца. Почему бы тебе не ездить на этом коне?

Меч с золотой рукоятью тебе поднесут — прицепи его к поясу. Доспехи тебе подадут дорогие, почему бы тебе не надеть те доспехи? Пять сотен кобылиц приведут, почему бы тебе не держать их для дойки. Пять сотен верблюдов могучих подарят тебе, чтоб торжественен был твой кочевой караван.

Пять сотен аулов подарят тебе во владенье — так будь же султаном, гости в них с почетом.

И каким бы батыром ты ни был, мало тебе одного лишь коня и сабли одной!

Славы и целей своих муж достойный достигнет лишь с народом, в котором он почтеньем и общей любовью окружен!

Внял мудрым словам старого жырау Таргын, унял он свой гнев и помирился с ханом и всеми почтенными людьми Орманбета. Батыр принял подарки, которые ему поднесли. Выбрал он себе для жилья пойму реки Жанарыстан. Здесь, у подножия гор Уштаргын, расположил герой свой аул.

За то время, пока Таргын провел в Крыму, а потом воевал с ханом Олалаем, освобождал берега Шагана, на его родине — реке Кобан—произошли страшные перемены. Без присмотра остался перевал Темир Какпа. Перебралось через него войско кызылбасов и опустошительным набегом прошло через все владения Орман-хана. Не смогли постоять за себя ногайлинцы, терзаемые усобицей. Самого хана Ормана враги взяли в плен и предали позорной мучительной казни. А подданные его — те, кто остался в живых,— жили теперь в нищете и унижении. Таргын, как только принял под начало все аулы, которые отошли под его руку, сразу же направился в родные места и изгнал кызылбасов. Но владения эти уже невозможно было удерживать в руках — слишком обширны были они. Поэтому престарелые родители Таргына и все остальные жители аулов и аймаков перекочевали с берегов кровавой реки Кобан к Едилю и Жаику. В этом новом улусе Таргын стал одновременно и батыром-защитником и справедливым бием. И воцарилось в народе согласие и покой. Враги уже не смогли оправиться после того побоища, которое учинил им Таргын на берегах Шагана.

Престарелый отец Таргына мерген Естерек и мать его Есенбике достигли предела старости и в назначенный судьбою час приняли смерть свою.

Акжунус родила Таргыну сына, которого называли Ардабий. Вырос он отчаянным храбрецом и справедливым бием.

В это время в Крыму возвысился некто по имени Батырак. Когда-то этот самый Батырак хотел жениться на Акжунус и посылал к ее отцу сватов. Не знал Батырак, куда девать ему свои силы. В Крыму ему не было равных— не осталось у Крыма врагов. Всюду, где Батырак появлялся, начинал он похваляться, называя себя непревзойденным батыром. Соглашались люди, но говорили: «Да, действительно, ты силен, но далеко тебе до Таргына! Не устоять тебе против него в поединке!»

И вот в один из дней Батырак, снедаемый гордыней, отправляется на поиски Таргына. Въехал он в многочисленные кочевья степных ногайлинцев. И здесь поведали Батыраку о подвигах Таргына. Омрачился Батырак. Понял он, что не сможет устоять против Таргына в борьбе — слаба у него поясница. Не сможет он состязаться со знаменитым батыром в искусстве стрельбы—

лук его не годится для этого дела. Долго думал Батырак, как ему быть, и наконец придумал. Поехал он прямо к хану Ханзаде. Нанялся к нему в табунщики. Стал пасти один сорок тысяч лошадей. Безропотно и усердно работал Батырак год, два, три года. Жеребята в ханских табунах стали больше двухлетних стригунков. А стригунки больше взрослых коней.

Ни одна кобыла не осталась яловой. И умножились табуны Ханзады-хана — теперь их стало не сорок, а пятьдесят тысяч. Только тогда пришел Батырак к хану:

— Владыка! Я собрался уходить, дай мне свое позволение на это!— сказал Батырак.

Хан дал свое согласие и решил щедро отблагодарить Батырака за службу. Дал ему много скота и добра, но не принял всего этого Батырак. — Не нужен мне скот,— сказал Батырак хану,— не нужно мне и добра. Дайте мне лук Таргына!

Ханзада-хан решил выполнить просьбу Батырака и направил своих людей к Таргыну.

С богатыми подарками вернулись ханские послы из аула Таргына — на шестидесяти холощеных верблюдах привезли шелк и парчу, собольи шкурки и драгоценные ковры. Но не привезли они главного, за чем отправились в путь,— лук Таргына. «Не отдам я свой лук чужаку!» — сказал послам Таргын.

Не обмолвился ни словом Батырак. И снова стал он пасти ханских коней. Жеребята в табунах стали больше трехлеток-кунанов, кунаны — больше верблюдов. Яловые кобылицы стали жеребыми. И пятидесятитысячный табун приумножился — насчитали в нем шестьдесят тысяч голов, не умещались кони на берегах Едиля. И снова пришел Батырак к хану.

— Повелитель, мне надо ехать, отпусти меня! Оказал ему хан великие почести. Подарил быстрых скакунов и иноходцев, шелк и парчу. Но не взглянул на подарки Батырак, а лишь сказал:

Не нужны мне скакуны и иноходец: не нужен мне шелк и парча. Дайте мне стрелы Таргына.

Во второй раз послал хан людей к Таргыну. И снова вернулись они от батыра с богатыми подарками — на семидесяти верблюдах привезли они золото, серебро и драгоценные камни. Но не дал им Таргын того, зачем их снарядили, сказав, что стрел своих врагу не отдаст. Не обмолвился ни словом Батырак, И снова он стал пасти ханских коней. Прошел год, два года, на третий год самые доходные клячи в табунах, которые пас Батырак, превратились в холеных коней. А мясные мерины-жабы могли поспорить в резвости с породистыми аргамаками. Жеребята паслись теперь с дикими куланами. Пятидесяти-тысячный табун приумножился, и насчитали в нем семьдесят тысяч голов. И снова пришел Батырак к хану.

— Хан, я ведь тоже белокостного рода, однако не посчитал для себя позором служить тебе, родственнику своему. Девять лет я пас твоих коней. Но больше я не могу оставаться здесь. Дайте мне лук и стрелы Таргына. Одобрил хан просьбу своего сородича и снова отправил посланцев к Таргыну с таким наказом: «Если только Таргын забыл в самом деле старую обиду, то пусть в подтверждение этому подарит мне свой лук и сто шестьдесят стрел к нему».

На этот раз посланцы хана вернулись довольные. Но недолго задержался подарок Таргына в ханской юрте. Хан призвал Батырака и вручил ему лук со стрелами. Остался доволен Батырак и уехал в Крым.

Не два дня прошло, и не два года — минуло ровно два месяца. Вспыхнула вдруг вражда между ногайлинцами, населявшими Крым, и их степными сородичами.

Прослышал Ханзада-хан о том, что из Крыма вышло тяжелое войско, и послал гонцов по всем десяти степным ногайлинским племенам собирать аламанов. Войско это возглавил Таргын.

Встретились оба войска на месте слияния Дона и реки Манашы. Но не решались крымцы вступить в бой, узнав, что во главе степняков сам Таргын. В крымском войске были и сорок батыров — старых друзей Таргына.

Направили они к нему своих послов, чтобы заключить перемирие. Не был уверен Таргын, что нет в этом деле подвоха, и потому выстроил свое войско в боевой строй. Не подозревал он о том, что в крымском войске Батырак, не знал он и про то, что завладел он его луком и стрелами. Отделился Таргын от войска, взяв с собой трех воинов, и без оружия выехал навстречу своим друзьям.

В это время Батырак, который стоял на вершине горы Караул, натянул лук и пустил в Таргына стрелу.

Часть VIII

И была это его же, Таргына, стрела, и пущена она была из его же любимого лука, с его тетивой. Не сточен был наконечник той стрелы. Разнесла стрела панцирь и впиалась в самые ребра батыра.

Покачнулся Таргын, пал на землю у ног Тарлана-коня. «О брат наш!» — вскричали воины, что были ря« дом с батыром, и бросились к нему.

Но жив был Таргын, хоть и ранен был стрелой. Глубоко вошла стрела, к самой печени. Батыр вырвал ее и узнал по наконечнику, что это его стрела, из тех, которые он подарил хану вместе со своим луком. — Бедная моя голова — уцелела ты в страшных боях с заклятыми врагами, а теперь пропадаешь в сваре родственной! — Посмотрел он на своих друзей и сказал: — Запеклась кровь на ране. Значит, есть надежда, что выживу. Когда-то я точно так же корчился на земле, но тенгри внял моей просьбе. А теперь у меня к вам, друзья мои, две просьбы. Помирите народ, разойдитесь без кровопролития. И если вы чтите меня, как прежде,— принесите мне голову труса, который так подло ранил меня.

И исполнились великого гнева сорок батыров, увидев, какая опасность нависла над их другом. Стали они искать Батырака, но не видно его было нигде. Батырак понял, что не славу заслужил этим выстрелом, а навлек на себя гнев всего войска, и потому бросился бежать с поля. Устремились сорок батыров в погоню.

У болота Кызыл Кыш им удалось окружить и поймать Батырака. Обезглавили они Батырака — подлое тело его бросили без погребенья, а голову принесли Таргыну.

После этого примирились враждующие стороны. Война прекратилась, распустили воинов по домам.

Успокоился Таргын, когда увидел, что миром закончилась ссора, а враг его обезглавлен. Но тяжела была рана. Никак не мог оправиться батыр. И

ногайпцы повезли раненого батыра к берегам Едиля. В ту ночь приснился Акжунус страшный сон.

Пошла она к гадалщику, чтобы он растолковал ей смысл этого сна:

— Эй, гадалщик! Чародей, без ошибки ты можешь предсказать нам грядущие дни! Можешь точно рассказать все, что было! Сегодня я видела сон. Если он к Удаче — пусть удача эта постигнет льва моего. Если он к несчастью — пусть это несчастье станет только моим!

Снилось мне, что лежит мой лез снова там — под горою Булгыр. На спине его распустился черный ай-дар. Втянут красный язык. И прикрыты глаза его огненные. Две могучих руки к телу прижаты. Две опоры батыра — ноги—вытянуты. Мыши изгрызли тетиву, что не в силах были натянуть шесть коней. Меч, в шесть карысов о камень разбился. Почему в этом сне было согнуто древко копья? Почему на боку изорвалась рубаха из белого шелка? И кто-то Тарлана-коня вел в поводу в этом сне. Почему так нелепо задран высокий тундик, что небес достигал? Почему так ободрана челка у белой кобылы и кто-то подрезал хвост вороному жеребенку? В этом сне заревел верблюд холощенный, а малые верблюжата тонко, протяжно кричали. И прирезали в этом сне кобылицу жирную, и черные котлы наполнили мясом. А солнце поднялось на западе и к востоку скатилось. Что же это? Гадалщик раскинул сорок бобов и склонился над ними. Достал баранью лопатку, поглядел сквозь нее на огонь. А потом взял в руки кобыз, стал заунывно играть на нем.

И сказал гадалщик:

— Если черный айдар распустился, не значит ли это, что хотят его вновь заплести? Если втянут язык, это значит, что не надо ему клич военный издавать, к духам предков взывая! Если веки сомкнул джигит, значит, он отдыхает, видит сны. Если руки к телу прижаты, значит, устали от меча и найзы. Если ноги свои распрямил, значит, всех улусов достигла слава его, а теперь он может дать им отдых. Если мыши перегрызли тетиву, что не могли натянуть шесть коней,— значит, нет уж врага, на которого стрелы насылала та тетива. Если меч разбился о камень, значит, он не желает подняться на родичей наших. И если согнулось копье — это значит, что в бою оно больше не нужно. А если распоролась рубаха по шву, это значит, что узелок нити

шелковой развязался. Если кто-то Тарлана-коня вел в поводу, значит это, что коня поменял твой Таргын. А если нелепо задран тундик, значит, не удалась хана нашего новая подлость. У кобылицы белой ободрана челка, а у вороного жеребенка подрезан хвост — это значит, овдовела жена негодяя, что в батыра послал стрелу, и дети его осиротели. Если жирную кобылицу забили, мясом наполнив котлы,— значит, пиру быть в честь примиренья! Минует эта ночь, и завтра к полудню возвратится Таргын. И будет пир большой в честь его возвращения...

Но не отпускала тревога Акжунус, не знала она, как растолковать все, что сказал ей гадалщик, и тогда старик уверил ее:

— Дочь моя, не должен погибнуть батыр, подобный Таргыну, ступай, готовься к встрече.

Акжунус пришла в свою юрту и приготовилась как подобает встретить своего супруга.

Сбылись слова гадалщика.

Минула ночь, а к полудню следующего дня тяжелое войско вступило в аул. Тарлана-коня вели в поводу. На спине другого коня было привязано тело Таргына — расплетен айдар, поджаты могучие руки, и вытянуты ноги батыра.

Погиб батыр, но не разбился о камни меч его тяжелый в шесть карысов длиной. Ушел герой, но не согнулось копьё его с дубовым древком. Криком прощальным, как верблюда могучего рев, оглашали джигиты степь и голосили протяжно и тонко, как верблюжата, чистые девы. Над высоким тундиком взвился траурный стяг, овдовела жена, сиротою сын остался. Но враги усмирились, и сбылось все, чего желал Таргын. С почестями проводил народ своего благородного сына. На поминках его забили самых жирных кобылиц, наполнили мясом котлы родовые. Через год после смерти Таргына справили великую тризну. Тризна эта закончилась конными игрищами, и продолженьем ее стал веселый той.

И верно, отчего не пировать народу!
Ушел тулпар — но остался после него жеребенок. Погиб герой, но остался народ. И если народ этот будет сплоченным, разве не родятся в нем другие

герои, новые Таргыны! Разве они не продолжают дело его? И разве мечтаний своих не достигнут?

Не плачь, если дед твой от вражьей руки принял смерть и отец твой погиб! Имя героя в сердце народ сохранит. Кто же мертвым его назовет! Пусть он жизнь свою прожил в скитаньях великих — цели своей он добился и из жизни ушел, не жалея о прожитых днях. Это предание было сложено когда-то древним жырау, а сказитель-жыршы повторил его нам.

Запомни, чем оно кончается.

Мечта героя — служение народу.

Цель героя — прославить народ!

И всякий потомок, что мечтаний своих не предаст, и не откажется от намеченной цели,— достигнет ее.

Так пусть же высокими будут ваши мечтанья!